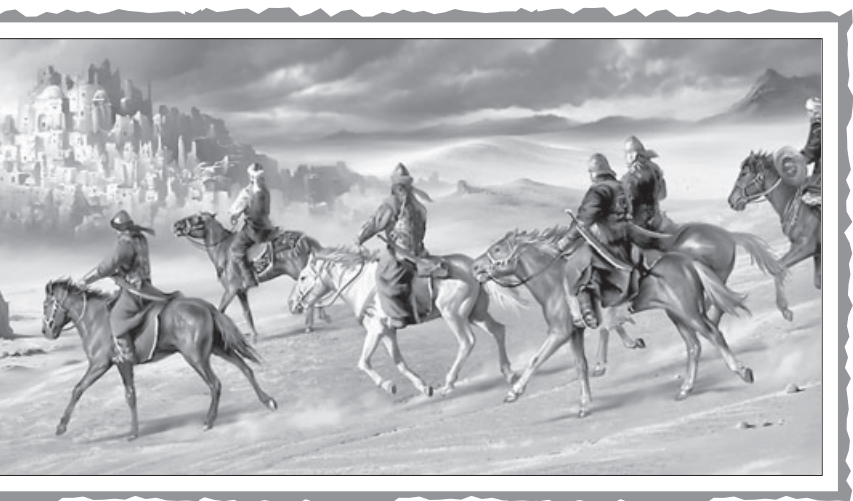

Некрономикон

АБДУЛ АЛЬ-ХАЗРЕД

Москва, 2017

Некрономикон

Аль-Азиф, или Шепот
ночных демонов

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
А56

Художник
И. Воронин

Аль-Хазред А.

А56 Некрономикон. Аль-Азиф, или Шепот ночных демонов. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 538 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2381-1

Земля, оказавшаяся в силу своего происхождения уникальным миром, хранящим великую мудрость бытия в наиболее полном виде, неудержимо влечет к себе познающих со всех концов Вселенной. Накопленная за бесконечные времена и записанная энергетическим кодом, эта мудрость заключена во всем, но особенно в «венце развития» — разумных существах. Она являет собой бесценное сокровище, и ради ее постижения пришельцы готовы на все, вплоть до уничтожения рода людского и других «братьев по разуму».

Право проникнуть в то невероятное, что едва ли способен осмыслить кто-то из ныне живущих, судьба доверяет простодушному юноше-романтику Абдулу аль-Хазреду, одержимому познанием Неведомого. Непонятные изображения на омытой кровью пластинке из неизвестного металла и рассказ мудреца-долгожителя о таинственных существах — лишь первый его шаг на пути постижения потрясающих разум тайн необъятной Бездны Миров со всеми ее невообразимыми обитателями. Впереди — путешествия в легендарные и неизведанные уголки мира, захватывающие и опасные приключения, сражения с коварными и безжалостными, но, главное, невиданными и загадочными врагами и встреча лицом к лицу с богами и демонами...

Некрономикон — легендарная средневековая книга, многократно упоминаемая в произведениях Говарда Филлипса Лавкрафта, из которой герои этих произведений черпают тайные магические знания.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-9922-2381-1

© Рябинин В. Ю., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

Труды и странствия, лишения и победы, утраты и обретения, самоотверженно выношенным плодом которых стало это повествование, а также его само до последней строки я посвящаю Ирине Азер — прекраснейшей из женщин Грядущего.

Автор

В шепоте демонов услышанное.
Говорившими с ними рассказанное.
В видениях, ими навеянных, явленное.
В манускриптах, ими продиктованных, прочитанное.
С изображений, ими изваянных, увиденное.
В проистекшем из деяний их осмысленное.

Аль-Азиф

Сквозь беспределья дали путь свой совершая,
Вглядись, о сущий, в лики мироздания.
И мудрости, на них прочитанной, внимая,
Прозри свое и их предначертанье.

В пути по вечности не праздно беспределье,
Чредой в течение веги направляя.
И воспылал огонь Всезарождения,
Пустое светом сущим наполняя.

В огне из тьмы родились свет и камень черный
Впервые от истоков предтечения.
Те свет и камень стали сущностью и формой,
Друг друга обрета в совокупленье.

И засияло беспределье многоличьем,
Потоком сущностей и форм вскипая.
Они ж блистали превращений безграничем,
Друг друга множа, новых созидая.

Но вот идиллия особая сложилась,
Неистово в ней Жизнь затрепетала,
И форма, что материалом зародилась,
Уже в безбрежье Существом предстала.

И вновь пучиной беспределье забурлило,
Как острова, миры в себе рождая,
Чтоб жизнь своим их многоличьем наводнила,
Их сущности в свои преображая.

Они ж, сплетаясь и сливаясь, неизбежно
Все больших высей смысла достигали

И искры разума зажгли в мирах безбрежья,
А искры ярким пламенем вспыхнули.

А разум, движимый стремлением познания
И постиженья сущего в течение,
Понесся вдаль, неудержим в пылу дерзания,
Могуч во всех преград преодоление.

Он проникал в глубины сущностей безбрежья
И, мудрость поглощая с упоением,
Умножив знаньем мощь свою в сто крат, чем прежде,
Безмерной властью овладел с течением.

Ему подвластны стали дали и глубины,
Течение, вечность и деяний лики.
Способен он нестись в бессмертье сквозь руины
Миров и форм к прозрениям великим.

Не всякий мертв из тех, кто, вечно недвижимый,
В провале бездн темной пребывает,
И даже Смерть в чреде веков непостижимых
Встречаясь с неизбежным, умирает.

Тот, кто в пути проникнуть в сущность смерти сможет,
Великое усердно постигая,
Во тьме почивши, тлен забвенья превозможет,
И у путей его не будет края.

И обреченный роком в бездну быть низвергнут,
Испив свой срок, отмеренный в течение,
Восстанью к свету будет мудростью подвергнут
В грядущее путей его стечение.

Познавший сущности безбрежий и течений
Грядущее и бывшее постигнет.
Идя чредой рождений и перерождений,
Бессмертья и всеилья он достигнет.

Но путь познания тяжел, тернист и долог,
Преодолим лишь истовым стремленьем,
Неисчислимым жертв ценой жесток и дорог,
Чреват с высот, достигнутых паденьем.

Проникнуть в тайное лишь два пути открыты.
Один — великой мудрости познание.
Течет он средь веков грядущих и забытых,
На стойкость посылая испытанья.

Лишь тяжкий труд — залог его преодоления
Достигнуть цели свято устремленных,
Несущих бремя сквозь страдания и лишения,
От устремлений плоти отреченных.

Второй сокрыт в создании формы многосущей
Жестоких черных таинств совершеньем.
В ней обретется сущность многих собирающий¹ —
Их плоти изощренным разрушеньем.

Тот путь лишь алчный и жестокий выбирает
И, торопясь свой замысел исполнить,
Существ несметных формы прахом обращает,
Чтоб сущностями их свою наполнить.

Внимай, о сущий! Вот твое предназначенье:
Метнуть свой жребий собственной рукою.
Да будет путь твой озарен лучом дерзанья,
Забвенью неподвластен и покою!²

¹ Скопидом (*пск. диал.*).

² Стихи автора.

Предшество

ДВУЛИКАЯ НОЧЬ

И приходит Ночь...

Знойный изнурительный день, наполненный жестким и плотным, почти осязаемым светом немилосердного и неумолимого солнца, сменяется наконец прозрачными бархатными сумерками, несущими умиротворенность и предвкушение блаженного отдыха. Напряженные усилиями члены расслабляются, разморенное жарой тело дышит легко и радостно. Можно наконец освободиться от душного необъятного халата и шамага и подставить ветру обнаженную голову. Ветер, который днем, налетая жестким потоком, обжигает лицо и руки упругими струями жара и песка, заставляет глаза слезиться от пыли и скрипит песком на зубах, сейчас нежно обнимает и ласкает кожу, словно атласное покрывало. Ветер этот живителен: он уносит напряженность из тела, тяжесть из головы и проясняет мысли. Он наполняет грудь легким воздухом, отчего кровь начинает быстрее струиться по жилам, проникая в самые дальние и глубокие уголки тела и принося в них целебные соки, отчего приходит неопишемое блаженство.

Сумерки смягчают дневные цвета и тени, которые режут глаза своей неестественной резкостью и вместе с тем расплываются и предательски искажаются, колышась в мареве. Сумерки делают их приятными и гармоничными, постепенно блекнущими и уступающими место спокойным серым тонам, все более сливающимися по мере сгущения темноты.

С наступлением сумерек вместе с освобождением восприятий многократно расширяется мир ощущений. В остывающем воздухе явственно проступают запахи пустыни, притупленные днем ее горячим дыханием, иссушающим и обжигающим нос изнутри. От него не спасает даже повязка на лице. Окружающий мир кажется совершенно лишенным запахов, и диву даешься, насколько пестр букет ароматов этого, казалось бы, совершенно пустого мира. Пробивающаяся сквозь толщу песка к поверхности влага уже не высыхает сразу и не уносится горячим ветром, а, слегка смачивая пыль и песок, наделяет

их собственным, хотя и мало примечательным ароматом, который, однако, хорошо оттеняет другие, позволяя определять окружающее. Пустынная растительность, несмотря на свою скудность и чахлость, пахнет в это время настолько сильно и освежающе, что неудержимо влечет к себе животных и людей. Запахи же пробегающих поблизости животных в этом букете ощущаются особенно резко, напоминая о том, что пустыня все-таки не мертва. Источник воды сразу выделяется среди этого смешения оттенков, так как имеет в пустыне особое значение для всего живого, а недалекий оазис источает истинное великолепие, присущее лишь дыханию самой жизни. И ко всему этому разнообразию неизбежно примешиваются запахи, которые путник принес с собой. Это запахи огня и дыма костра, отзывающиеся в душе теплом и уютом домашнего очага, ароматы согревающейся еды, пробуждающие естество от бесплотных грез. Холсты шатра, кожа и металл, ткани одежды, пропитанной многодневным потом, разнообразная утварь, упряжь верблюдов и лошадей, разогретые за день, тоже отдают остывающему воздуху свои источники. Они напоминают ищущему о том, что он пришел из мира людей, и мучительно терзают сердце вопросом: суждено ли ему вернуться в него. Дурманящий же дымок опиумной курительницы возвращает в мир грез о великих тайнах, во имя открытия которых он покинул свой мир и пришел в этот гибельный край, обрекши себя на бесконечные скитания и лишения, а может быть, и на смерть.

С исходом знойного дня обостряются также ощущения вкусов. Днем пересохшие рот и язык почти не могут отличить куса лепешки или вяленого мяса от лоскута мешковины. С наступлением же вечерней прохлады еда раскрывает весь удивительный букет своих вкусов и ароматов, и даже глоток застоявшейся в бурдюке воды изумляет разнообразием оттенков. Свежедобытое нежное мясо, кажется, само тает во рту, а терпкий чай и упоительный рахат-лукум будят воспоминания об уладах далекой и привычной городской жизни.

Звуки, не заглушаемые больше пронизывающим слух, словно стрела, звоном раскаленного песка в дрожащем знойном мареве, тоже, как бы просыпаясь, проступают все отчетливее. Ветер уже не завывает в дюнах, а почти беззвучно шепчет свои таинственные заклинания. Иссушенные кустики оживленно переговариваются между собой в его порывах. То здесь, то там слышатся шорохи пробегающих ящериц и мышей или монотонный шелест проползающей змеи. Если прислушаться, можно явственно различить журчание воды в источнике, хотя он находится на расстоянии полета стрелы. Вслушиваясь в эти голоса пустыни, невольно проникаешься благоговением,

понимая, насколько велика, безгранична и всеильна жизнь, творящая свое даже в таких бесплодных уголках мира. Тихое же потрескивание костра, всхрапывание верблюдов и позвякивание их колокольчиков, редкий лай собак и приглушенные голоса в лагере вселяют гордость за то, что человек способен в угоду стремлениям своих души и разума покорять самые непокорные дали.

Пустыня — это бесплодный и жестокий мир, в котором есть место лишь тем существам, которые зародились вместе с ним и которым больше ничего не остается, кроме как существовать в нем. Всякого же вторгшегося в него чужака он встречает грозным натиском всего арсенала своего оружия, и лишь очень немногие способны ему противостоять. Солнце, которое во всех других частях света рождает и ласкает жизнь, здесь безжалостно убивает ее, если она не найдет в себе сил или хитрости противостоять его испепеляющим лучам. Солнце раскаляет землю, и она уподобляется углям пожараща. Солнце раскаляет воздух, и он уподобляется невидимому огню, обжигающему дыхание. Солнце иссушает все вокруг на огромных пространствах, обрекая живое на изнурительные скитания в поисках воды, а нередко — и на смерть от жажды и зноя. Воздух же дрожит и волнуется, искажая и размывая очертания, рождая предательские миражи. Мельчайшая пыль, стоящая в нем, при каждом вдохе проникает глубоко внутрь, вызывая мучительный кашель и удушье, застилает мутной пеленой глаза и, вместе со слепящим солнцем и пляшущим воздухом, делает зрение почти бесполезным, сбивая путника с пути и доводя до отчаяния. Здешний воздух днем почти непригоден для дыхания. Горячий и грязный, он с каждым вдохом наполняет грудь смертоносной пылью, а с каждым выдохом уносит из нее жизненную влагу, изнуряя тело жаждой и тяжестью. Жажда преследует здесь все живое, даже если есть возможность ее утолить, ибо проглоченная вода сразу же выходит обратно через кожу. Поэтому животные стараются держаться вблизи источников, тем более что здесь встречается больше растительности. И лишь ящерицы, змеи да черепахи не тягостятся этими бедами. Они, кажется, даже не замечают ни палящего зноя, ни тяжелого воздуха, не ведают ни жажды, ни голода.

Но всем этим не исчерпывается жестокость пустыни. Песок — то, что все время под ногами и от чего некуда деться. Поглотивший огненные лучи солнца, он обжигает даже обутое ноги, которые при каждом шаге утопают в нем, разъезжаясь в разные стороны, так как не находят твердой опоры. Хожение по песку — тяжелый труд, отнимающий все силы, не отнятые еще солнцем и жаждой. При каждом шаге и дуновении ветра песок взмывает вверх, попадая и набиваясь всюду.

Он, словно грубая ткань, стирает кожу, образуя на ней язвы, калечит глаза, попадая в них, словно точильный камень истачивает зубы, проникая в пищу. А уж гонимый ветром, становится подобен бичу Шайтань, беспощадному и нестерпимому, от которого не спасают ни одежда, ни укрытия. Ветер же, властелин и тиран пустыни, вступив в союз со всеми ее злыми силами, являет здесь подлинно неистовую ненависть ко всему живому. Он преследует всех и всюду, не давая ни пощады, ни передышки, оглушая и ослепляя, унося последние силы и надежды. Если же кто-то осмеливается бросить ему вызов, ярость его становится безграничной, и он превращается в самум...

Самум — есть ли в каких-нибудь далях, высях или глубинах что-то более ужасное? Что-то более неудержимое, неотвратимое и смертоносное? Порождение черных небес и опаленной земли, вырываясь, подобно обезумевшему злу, из самой преисподней, мчитя ошалелым вихрем над стонущими песками с неимоверным воем и свистом. Ужасающие непроглядные тучи песка и праха вздымаются к потемневшему небу зловецей колышущейся стеной. Поверхность, на которой можно стоять, исчезает. Вместо нее появляется бездонный провал из песка и пустоты, бесконечный в глубину и в высоту, бесследно поглощающий все, что в него попадает. Никто не ведает, на какой глубине можно быть погребенным, угодив в этот кошмар. Все вокруг, над головой и под ногами приходит в неистовое движение. Воздух не движется одним потоком, он бешено вращается множеством вихрей во всех направлениях сразу. Сила их столь велика, что поднимает человека над землей, как пушинку. В непроглядной тьме и крутящихся вихрях пропадает всякое чувство направления, и люди порой гибнут лишь потому, что сбиваются с пути в этой безумной пляске стихии. Гонимые же вихрями потоки песка превращаются в самые кровожадные из существ. Они, налетая и набрасываясь со всех сторон, сбивают с ног и опрокидывают, вгрызаются в плоть безжалостными клыками, сжимают горло беспощадными лапами, наваливаются на грудь невообразимой тяжестью, обжигают тело, струясь по нему, словно огненные змеи. Упавшего же в мгновение покрывают толстым слоем, и далеко не каждый может найти в себе силы пробиться затем к свету.

Самум налетает неожиданно, заставая врасплох и не давая опомниться. Он, как страж и властелин своих древних чертогов, зорко и ревностно хранит их от вторжений чужаков, стремящихся проникнуть в его сокровищницы и постичь великие тайны его мира. И горе тому, кто не почувствует его приближения и не успеет вовремя найти спасительного укрытия. Жестока его расправа с дерзновенными, а тем, кому посчастливилось вырваться из его смертельных объятий,

глубоко в сердце врезается она грозным предостережением. Многих путников, стремившихся покорить пустыню, поглотило это чудовище. Но оно поглощает не только людей. Оно поглощает целые города и государства, могущественные и ослепительно прекрасные, которые многие века цвели в благоденствии и поражали все иноземье своим великолепием, стирая их с лика земли и погребая под вековыми барханами, оставляя лишь предания, передаваемые от отцов детям, и легенды, начертанные на ветхих пергаментях или высеченные на древних монументах.

Сумерки — это время кирки и заступа, плодотворное время для ищущего. Самое время — с трепетом обнажить новый участок благословенных руин, чтобы при дневном свете неторопливо и вдумчиво обозреть его, добавив к череде потрясающих разум открытий еще одно. Жажда открыть таящееся просыпается в это благодатное время вместе с другими побуждениями и желаниями, угнетенным днем палящим зноем и жаждой телесной. Работа, подобная в дневные часы рабскому труду, сейчас доставляет наслаждение своей легкостью и предвкушением отыскания чего-то, что озарит еще хоть один шаг к очередному прозрению.

Алчность познающего не знает границ и вразумления. Прикосновение к неведомому не побуждает лишь ленивых и праздных, видящих предел чаяний в тишине и сытом довольстве, старательно укрывающихся от ветров перемен. Пытливый же благоговеет перед раскрывающимися ему дверьми в его бездны и лабиринты, жадно ловит его отголоски и, затаив вздох, внемлет древним преданиям. И вот, повинувшись безумному порыву, отрекшись от всего удобного и привычного, уже мчится, не ведая себя, по этим призрачным следам в необозримые дали зловещих и сладостных грез о том самом чем-то, что каждый видит по-своему, порой даже не помышляя о награде отыскать его. Он не заботится о том, как он пройдет этот путь, доставит ли у него на это сил и что уготовано ему в конце. Но именно такие, как он, именно в таких безумных порывах всегда первыми раздвигали рубежи познанного, приподнимая завесы неизведанного, и вели за собой тех, кто предпочитал проторенные пути.

Но приходит ночь...

Она опускается на землю плавно и безмолвно, медленно заполняя нежные бесплотные сумерки своей темной густотой. Она окутывает все вокруг, окончательно поглощая цвета и тени, заливая все предметы одной краской, отчего они то становятся совершенно невидимыми, то вдруг с режущей глаз четкостью проступают на фоне

песка, который, кажется, испускает призрачное, едва различимое сияние. Испепеляющее солнце уходит совсем, и его место занимают холодные и далекие ночные светила, которые, словно просыпаясь, неторопливо высыпают на потемневшем небе, как крохотные бриллианты, которые вытряхивают из шкатулки на темно-синий бархат. Их слабый свет, мертвый и призрачный, все-таки освещает и небо-свод, и землю, и все вокруг настолько, что можно даже обходиться без факела. Причудливы рисунки, выложенные этими крошечными светящимися зернами. Стоит мысленно соединить их линиями, все небо покрывается сказочными картинками. Причем эти линии и их сочетания можно менять бесчисленное множество раз, и никогда следующий рисунок не повторит ни одного из предыдущих. Этими картинками можно любоваться бесконечно. Они подхватывают и уносят в немыслимые миры волшебных грез, увлекая в невообразимые запредельные дали сквозь череду видений, поражающих разум своим многоцветием и многоличием, то — сладостных, то — ужасающих, то — призрачных и размытых, не оставляющих следа в памяти, то — удивительно ярких и четких, глубоко врезающихся в нее. Созерцание этого буйства бесконечности плодотворно для поэтов, ибо в нем их способность творить слово разыгрывается сверх всякой меры, доводя порой до исступления и даже до безумия. Однако поэты не стремятся забираться в такие далекие и гиблые уголки мира, им больше по душе тенистые парки роскошных дворцов или живописные побережья морей. Путники же, которых судьба забрасывает в безводные пустыни или холодные горы, обычно не наделены даром творчества, и поэтому небеса хранят от безумия и тех и других.

Кружение небесных видений увлекает и очаровывает, заставляя забыть тяготы дня прошедшего и испытания дня грядущего, которые, быть может, будут во сто крат мучительнее всего, что уже было. Отдаваясь блаженству грез, не хочется думать ни о чем, кроме того, что впереди еще целая ночь. Ночь — время усад и телесного отдыха. Для души же это — время полета к высям желаемого, которое каждому предстает в своем обличье. Ищущий, присоединив плоды прошедшего дня к познанному раньше, грезит открытиями завтрашнего, пытаясь проникнуть в их откровения через осознание уже открывшегося. Где, как не здесь, в этих уединенных и недосягаемых уголках мира, сокрыто то Неведомое, что испокон веков влекло пытливых, стремящихся постичь великие откровения и мудрости, раскрыть тайны преданий, манускриптов и изваяний, однажды случайно извлеченных из-под песков, древних руин или из людской памяти.

Ночь умиротворяет дневные стихии. Она гасит солнце, успокаивает ветер, охлаждает песок и освежает воздух. И хотя жара почти не

спадают, исчезает палящий зной, освобождая от своих объятий дыхание. Следуя за сумерками, когда облегченное тело жаждет труда, а разум — познания, ночь убаюкивает их, напоминая о том, что завтрашний день будет не менее тяжким и сейчас необходимо восстановить силы отдыхом.

Но не только люди в этот час отдаются объятиям отдыха. Отдых опускается на все вокруг, окутывая все предметы и явления, которые при свете дня изо всех сил стараются исполнить свое предназначение, терпя на себе предназначения других. Отдыхает земля, держащая на своих натруженных плечах этот убогий мир и, несмотря на жестокое буйство всех стихий, приносящая ему свои скудные плоды. Отдыхает песок. Он больше не струится по поверхности и не поднимается облаками над нею, гонимый ветром, а устало и безмолвно покоится, испуская в воздух накопленное за день тепло солнечных лучей. Это тепло легко почувствовать, поднеся к нему ладонь, и, кажется, даже увидеть, как оно, колышась, поднимается вверх. Отдыхает воздух, который днем, кажется, стоит над землей неподвижной плотной стеной, и, коснувшись его рукой, можно почувствовать, каких усилий стоит ему удержаться и не обрушиться, рассыпавшись по ее поверхности, оставив после себя пустоту. Сейчас же дыхание его легко и блаженно. Кажется, он понимает, что ночь коротка, и стремится как можно полнее насладиться отпущенными часами. Отдыхают небеса, принимающие на себя днем большую часть солнечного огня. Сейчас они дремлют, окутавшись сладостными грезами, которые сказочными картинками проступают на их темном лике. Отдыхает солнце, закотившись за границу мира. Истратив за день все свое пламя, ослабев к закату и, очевидно, досадуя, что так и не смогло испепелить сегодня все и вся, оно стремится отдохнуть от натуги и накопить за эту ночь еще больше жара, чтобы завтра закончить наконец свою работу. Отдыхает ветер, который тоже сегодня явно не справился со своей губительной миссией и не занес песком всего, что еще виднеется над его поверхностью. Сейчас он лишь лениво колышется над землей, развеивая поднимающееся от нее тепло, и едва слышно шелестит ветвями редких кустиков. Кустики тоже отдыхают, но они отдыхают по-своему. Днем они выглядят мертвыми и иссушенными — кажется, они вот-вот осыплются прахом. Жизнь замирает в них, и они погружаются в тяжелый, граничащий со смертью сон. С наступлением же ночи они с наслаждением пробуждаются от этого жуткого сна и начинают жадно пить живительные соки из самых глубин земли, чтобы успеть заживить нанесенные солнцем ожоги и напоить окружающий воздух ароматом жизни, робким и едва уловимым, но полным силы, утверждающей превосходство этой

жизни над слепыми стихиями. Животные, успевшие насытиться, также отдыхают, устроившись в укрытиях, недоступных для врагов. Они изнурены дневной борьбой за жизнь и теперь, как и все вокруг, стремятся восстановить силы для дня грядущего, чтобы продолжить эту нескончаемую борьбу. Сон их глубок, но чуток, ибо эта борьба продолжается даже теперь, и их удивительная способность выживать может понадобиться им в любой миг. И только животные, пришедшие с человеком, отдыхают спокойно, так как чувствуют себя под надежной защитой, ибо никакие клыки и когти не могут сравниться со сверкающим клинком и звенящей стрелой, никакая храбрость и хитрость не может противостоять пылающему огню.

Отдыхают люди... Люди пришли сюда по чьим-то стопам, хорошо зная, что ожидает их здесь. Они оставили близких, родные дома, привычную жизнь, мирный труд или ратную славу — все, чем жили испокон веков их предки. Они отреклись от всего этого и пришли сюда, как и их предшественники, повинувшись безмолвному, но громогласному зову, который однажды случайно сорвался с уст мудрейшего, вспорхнул с поверхности древнего свитка или возник в ночном видении. Они проникли в бескрайние пески, поднялись на ледяные горы, переплыли необъятные моря в поисках того, что могло оказаться всего лишь вымыслом торговцев или лихорадочным бредом. Но их безумная жажда овладеть тайным всегда была сильнее здравых наставлений мудрых, и они продолжают свой путь в поисках, невзирая на лишения, трудности и опасности, не боясь взглянуть в лицо смерти. Ночь — время отдыха телесного и полета души, время грез о вожденном неведомом, время, когда в наслаждающемся передышкой разуме крепнет решимость продолжать избранный путь.

Отдых людей глубок и спокоен, ибо здесь у них нет врагов среди живых существ, к тому же недремлющие дозорные и верные псы чутко стерегут его. Тьма и тишина окутывают спящих путников, погружая их, может быть, в тот самый мир, который они стремятся отыскать. Тишина...

Но стоит вслушаться в эту самую тишину и взглядеться в эту самую тьму, вспомнив прошедшие сквозь века легенды, которые рассказывали им провожавшие их в эту дорогу, как ночь предстает совсем в другом обличье. словно из небесных и земных глубин начинает проступать что-то, поражающее воображение и не поддающееся осмыслению, повергающее в ужас и сковывающее неодолимым оцепенением безнадежности все попытки противостоять ему.

Сгустившаяся темнота поглощает знакомые правильные очертания, и в ней начинает угадываться нечто смутное, колышущееся и извивающееся, безмолвно подкрадывающееся со всех сторон и неу-

ловимо исчезающее при попытке приблизиться к нему. Сияние же, исходящее от песка, становится вдруг совершенно явственным, волнуясь и танцуя, словно языки пламени.

На темном небосводе вместо великолепных сказочных картин появляются страшные обличья и очертания невиданных чудовищ, явившихся, должно быть, из самых глубин бездонного провала ужаса, которые каждый миг меняют свои оскалы и формы, причем бесчисленные новые никогда не повторяют ни одного из предыдущих, поражая буйством уродливой фантазии создающего их Дьявола. Звезды же, словно их многочисленные глаза, холодные и мертвые, взирают сонно и бесстрастно и в то же время безудержно алчно и кровожадно. Месяц предательски играет светом и тенью, ярко освещая открытые пространства, между которыми таятся совершенно темные укрытия, в которых призрачно движутся неясные тени. Жуткие небесные видения сковывают и парализуют, и невозможно оторвать взгляд от этого неистового кружения духов, которое проникает в самые глубины разума, лишая его всякой способности противиться и заставить тело стряхнуть эти душающие оковы. Разгулявшись в небесах демоны подхватывают и уносят в ужасающие бездны пустоты, из которых нет возврата в этот мир, ведущие лишь в мир безумия. Видения, наполняющие его, вгрызаются глубоко в сознание, оставаясь в нем навсегда черными язвами, делая бессонными все ночи оставшейся жизни. Образы, родившиеся из них, переживают века в страшных легендах, глубоко вбитых в древние камни и память народов, обитающих в укромных уголках.

Но демоны не только спускаются с небес. Они выползают из-за дню, струятся по поверхности вместе с песком, движутся по воздуху вместе с ветром, вытекают вместе с водой из источника, поднимаются по тайным проходам из глубин земли, неистово пляшут в пламени костра и взмывают в черное небо с его дымом. Они несметными полчищами стекаются к стоянке людей, вторгшихся в их владения, чтобы встать непреодолимой стеной на их пути к таящимся в глубоких захоронениях бесценнымкладам и великим тайнам, стражами которых они были от самых истоков времен. Они беснующейся толпой окружают человека плотным кольцом и начинают свой головокружительный хоровод, оглушая и вовлекая туда его сознание. Они скачут и скользят вокруг бешеной игрой теней во тьме и слабых отблесках костра, являя свои причудливые, ни на что не похожие очертания, которые невозможно четко разглядеть в их вихревом движении. Они наскакивают и наваливаются всей своей тяжестью так, что едва не валят с ног, приводя в ужас от мысли о том, что же случится, если не устоишь. При их жалящем прикосновении ясно ощущается их ле-

денящее и огненное дыхание, не оставляющее никаких сомнений в их жуткой реальности. Картины темных легенд сплошной чередой всплывают из памяти и теснятся перед ошалелым взором с ослепляющей яркостью и оцепеняющей натуральностью. Реальный мир исчезает, начисто вытесняясь миром мифов и пророчеств, и человек оказывается во власти кровожадных духов и чудовищ, пришедших из земных и небесных глубин, чтобы завладеть его душой и плотью. Молитвы путаются в голове, разум не в состоянии прогнать из себя внедрившиеся в него видения. В последнем безумном порыве он заставляет своего хозяина броситься опрометью во тьму, не разбирая пути, и бежать в никуда, пока не оставят силы, чтобы в конце концов упасть без чувств на остывающий песок. Не каждый затем способен отыскать обратный путь — многие находили свой конец, потеряв направление и заблудившись среди барханов. Не каждый способен в эти кошмарные мгновения противостоять безумию — многие гибли среди песков, потеряв разум. И после падения каждой жертвы пустыня из века в век оглашается беззвучным и оглушающим воем торжествующих демонов, знаменующим их очередную победу и неизменно сопровождающим их кровавую трапезу.

Не каждому под силу одержать победу в этой жестокой схватке. Но сильный способен противостоять кошмару и разогнать окутывающие сознание огненные вихри. Столкнувшись со светлой силой разума, демоны отступают, удаляясь в свои темные обиталища. Вместе с их уходом возвращается реальный мир с его привычными очертаниями, принося смятенной душе тепло и покой, а разуму — гордость очередной победой над злыми силами и сознанием того, что человек способен побеждать даже неведомое. Эта гордость вселяет новые надежды отыскать то, за чем он пришел сюда, за чем приходил туда, где он уже побывал и за чем пойдет дальше и дальше.

Но демоны никогда не уходят совсем. Потерпев поражение в прямой схватке, они не оставляют попыток одолеть человека, используя другие пути. Затаившись в своих темных убежищах, прячась во тьме или просто стоя у него за спиной, они начинают шептать... Они переговариваются друг с другом, советуясь, как лучше разделаться со столь сильным противником, и договариваясь, как затем поделить его душу и плоть. Они рассказывают ему самые страшные из придуманных ими легенд, совершенно невысказанных даже для самой изощренной человеческой фантазии. Они рисуют перед глазами картины, наполненные кровавыми, огненными и пепельными красками. Они произносят заклинания, составленные, наверное, самим первозданным кошмаром, вышедшим из бездны, когда ее осветила первая искра зарождения, и способные вызвать из мрака служителей верховно-

го зла, отмеченных его раскаленной печатью. Они шепчут леденящие душу пророчества, возбуждающие с трудом преодолимое желание выхватить кинжал и вонзить его в сердце, чтобы не дать им сбыться. Они предостерегают о страшных напастях, неопишуемых лишениях и коварных западнях, ожидающих ищущего, если он сделает хотя бы еще один шаг к своей цели.

Ни одного из слов, произносимых сотнями голосов, невозможно понять. Однако они складываются в голове в ужасные образы, не оставляя никакого сомнения в том, что они говорят именно об этом. Попытка же разобраться в этом жутком многоголосии не приносит ничего, кроме отчаяния. Голоса звучат едва слышно. Они напоминают пересыпание песка и зерна, вздохи кузнечного горна, свист ветра в приоткрытой двери, осторожные шаги и протяжное завывание. Иногда же пустоту разрывает леденящий душу вопль. Хлопанье крыльев и щелканье зубов, журчанье воды, тонкий визг металла и резанье веревки, пронзительный писк и зловещее уханье... Все это непостижимым образом складывается в почти членораздельные слова. Но самыми невыносимыми остаются звуки, которые невозможно описать, но которые неизменно сопровождают путника в пустыне. Это одновременно и треск, и свист, и скрежет, и насыпание мелких камешков в металлическую посуду, и еще неведь на что похожие. Они изо дня в день, из века в век повторяют одно и то же чудовищное заклинание: «Азифф... Азифф...» Они повторяют его то быстро, то медленно, то совсем глухо, то вдруг пронзают слух дьявольским шипением, то истошно кричат, то заливаются улюлюкающей трелью, заставляя что есть силы зажимать уши, чтобы не лишиться способности слышать. А ужасное «Азифф...» продолжает звучать в голове, проникая, словно жгучий яд, в самые глубины, стекая по позвоночнику и распространяясь по всему телу, вызывая нестерпимые мучения. Хочется в безотчетном порыве выхватить меч и броситься на того, кто произносит эти удушающие звуки. Но сколько ни вглядывайся во тьму, в ней не видно никого и ничего... Привыкшие к темноте глаза прекрасно различают все окружающие предметы, однако среди них нет ничего, что заслуживало бы смертоносного удара. Те, кто издает звуки, словно растворяются в воздухе или впитываются в песок. Но они, несомненно, существуют, ибо стоит угадать направление и приблизиться к ним, они замолкают, затаясь, будто их и не было. В следующее же мгновение вновь появляются уже совсем в другом месте, и так может продолжаться бесконечно, пока не помутится рассудок. И даже точно определив, откуда исходит это ужасное верещание, там невозможно разглядеть ничего, хотя звук раздирает уши, накатываясь плотными упругими волнами, которые, ка-

жется, можно потрогать. Нет никакого сомнения, что существо, испускающее их, стоит рядом на расстоянии протянутой руки, но остается невидимым. Но тогда кто же это, если не демон? А если это он, то чего он хочет? Напугать? Внушить отчаяние, чтобы заставить повернуть назад и покинуть его владения? Довести до безумия, чтобы в конце концов похоронить в песках? А может быть, хочет рассказать что-то, чего не знает еще никто? Поведать о неведомом, восхитясь отвагой и упорством ищущего, и указать к нему путь? А может, он — такой же ищущий, пришедший из иного мира, о существовании которого никто даже не помышляет? Из мира, где все устроено по-другому и где нас самих назовут демонами? Может быть, он сам когда-то услышал на своем ужасном языке те же самые легенды и так же, потеряв покой, отправился на поиски следов того же загадочного? Может быть, он, распознав собрата по общности целей, хочет поделиться тем, что открылось ему в его поисках? Или расспросить о сделанных открытиях? Или хочет предложить объединить усилия в постижении тайн, хранящихся в скрижалях памяти и начертанных на руинах миров?

Но у путника не хватает мудрости подумать об этом. В мыслях человека, которому всю жизнь приходится бороться за нее со стихиями, все неизвестное испокон веков представляется враждебным. «Друг не будет прятаться», — рассуждает он, не допуская даже мысли о том, что таинственное «Азифф...» может звать его не в бездну, а к вершинам. Пустыня же, со всей своей жестокостью и таинственностью, всегда считалась обителью зла. Именно здесь обитают самые многочисленные и самые ужасные демоны, самые причудливые и кровожадные создания из мира призраков, самые неистовые охотники за душами людей. Именно они заманивают сюда путников, стремящихся отыскать сокрытые в пещерах и погребенные под песками драгоценные клады, найти таящиеся среди руин мертвых городов загадочные предметы, обладающие магической силой, увидеть и прочесть замысловатые символы, высеченные на источенных ветром и песком древних плитах. Именно они устами дряхлых старцев шепчут увядающим голосом волшебные легенды, именно они в обличье изнуренных странствиями паломников возглашают о невероятных чудесах благословенных и проклятых уголков света. Именно они, притворившись прибывшими из диковинных земель словоохотливыми торговцами, поражают воображение дивными рассказами об увиденном и услышанном.

Но красноречивее всех древних легенд и удивительных историй во все времена звучит все то же таинственное и злое «Азифф...». Оно околдовывает, завладевая вниманием и мыслями, заставляя чи-

тать и обдумывать складывающиеся в глубинах сознания из отдающих болью звуков слова и обращать их в невероятные образы, затмевающие действительность и долго являющиеся затем в нескончаемой череде кошмарных сновидений.

Услышать его можно не только в пустыне. Оно звучит под сенью пальм в благодатных оазисах и на склонах гор, в тенистых парках и фруктовых садах, напоминая о вездесущности темных сил и их неотомимости в поисках жертв. Однако здесь оно заглушается и подавляется живительным светом созидания и благодати, струящим противоядие от исторгаемого им ужаса. Наслаждающиеся благами и прелестями жизни не внемлют зловещему шепоту, они попросту не замечают его, ибо нет места темным мыслям там, где царит благоденствие. И лишь там, где властвуют смерть и отчаяние, голос зла звучит в полную силу. Путешественники же и торговцы, побывавшие в далеких землях, неизменно повторяют, что, если прислушаться, голоса демонов можно услышать в любом уголке мира. И что все они говорят на одном и том же языке: стоит лишь вслушаться — и во всем многообразии тонов, высот и оттенков можно всегда различить все то же непостижимое и леденящее душу «Азифф...».

Но тому, кто находил в себе силы не поддаться дурманящему и содрогающему шепоту, презирал ужасы угроз и распознавал хитрости, неведомые голоса нередко указывали верный, наиболее прямой и безопасный путь, вознаграждая бесценными сокровищами, ослепительной славой и поражающими разум открытиями, которые порой оказывались совсем не тем, что он искал. И лишь немногие ищущие задавали себе вопрос: приняли ли эти призрачные голоса участие в их судьбе, изменили ли они что-нибудь в их пути, помогли или помешали достичь заветной цели? И соответствовали ли их слова возникающим в голове образам и событиям? И были ли эти слова словами?! Означают ли эти звуки что-либо вообще? И существуют ли они?.. Не являются ли они видениями подобно призрачным миражам? Ночь не дает ответа на эти вопросы, она только рождает все новые и новые... Ответы может найти лишь сам ищущий, пройдя свой путь до конца.

Повесть первая

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Случилось так, что мне пришлось сжать в руках старенькое, выдавшее виды копые, едва мне минуло пятнадцать лет. После смерти отца, мелкого торговца из Саны, никогда не видевшего богатства, дела моей семьи пошли совсем плохо. Мать, на руках у которой кроме меня осталось еще трое детей — двое братьев и сестра, — едва сводила концы с концами и никак не могла выбраться из долгов. Я по мере сил помогал ей и промышлял разными мелкими заработками у друзей отца, которые, да хранят их небеса, не оставляли нас своим участием. Но, несмотря на все старания, денег постоянно не хватало, и жить нередко приходилось впроголодь. Самой же большой неприятностью были долги, которые все росли. Матери пришлось продать все, что имело хоть какую-то ценность, и я все чаще стал замечать на ее глазах слезы отчаяния. Я прекрасно понимал, что если так пойдет дальше, мы станем нищими и нас ожидает голод. Нужно было искать какой-то выход.

Именно поэтому, услышав призыв эмира всем желающим вступить в войско, я недолго думая в числе многих бедных юношей явился к военачальнику. В то время халиф Абдул аль-Малик ибн Марван задумал вернуть Халифату былое могущество и блеск, объединив его под своей булавой. А для этого благого деяния ему, конечно, нужны были воины. При этом он не скупился, особенно на обещания жалованья, трофеев и военной славы — всего, что так вожаделенно для юных бедняков.

Узнав о моем решении, мать, конечно, залилась горькими слезами, заявив, что ни за что не отпустит меня на верную смерть, что лучше уж голодать всем вместе. Сестра повисла у меня на шее с криком, что не отдаст меня никому. Братья же в один голос объявили, что отправляются со мной. Потребовалось много уговоров и помощь зашедшего вовремя соседа, чтобы убедить их в необходимости этого шага для блага всех нас, как и в том, что гибель на войне — это такая же воля Аллаха, как и гибель в любом другом месте, и ее все равно не избежать. В конце концов все успокоились, примирившись с судь-

бой. Мать, собрав мне кое-какие пожитки, благословила меня на ратные подвиги, сестра подарила мне амулет с молитвой о спасении, а братья просто по-мужски пожелали мне удачи и просили беречь себя. Я же пообещал навещать их, пока буду находиться в Сане. На том мы и расстались.

С малых лет я отличался быстротой и проворством, а также верным и острым глазом. К тому же отец позаботился о том, чтобы я обучился грамоте. Звездочет, у которого я брал уроки, почтенный и образованный человек, не только учил меня чтению, письму и счету, но и много рассказывал мне о небесных светилах, порядке вещей, растениях и животных, морях и далеких землях, жизни и нравах разных народов и о многом другом. Так что я знал об окружающем меня мире куда больше, чем мои сверстники, и не стеснялся выставлять свои знания напоказ. Все это и послужило причиной тому, что в первые же дни моего пребывания в военном лагере я был поставлен десятником в отряде новобранцев. Только денег на оружие и приличные доспехи у меня не было. Поэтому я получил лишь то, что мог получить бесплатно: потертый шелковый халат, подбитый ватой, поношенный тюрбан, старенькое копье с потрескавшимся древком и тронутый ржавчиной изогнутый кинжал. При этом сотник сказал, что я могу занять что-то более приличное в счет жалованья или же придется ожидать трофеев. Однако я даже не помышлял тратить свое жалованье по своему усмотрению. Наоборот, я попросил эмира выдать мне его на полгода вперед, чтобы отдать матери. Эмир, знавший моего отца, согласился и лично передал моей матери деньги, необходимые для уплаты всех долгов, что очень облегчило положение моей семьи. Теперь я был спокоен за них и мог полностью отдаться освоению своего нового ремесла.

Теперь вся моя жизнь состояла из обучения военному искусству, которое включало в себя хождение строем, боевые передвижения по разной местности, преодоление различных препятствий и, главное, владение оружием. Искусству боя нас обучали опытные воины, показывая нам приемы использования того оружия, которое у нас было, против любого другого, а мы закрепляли их в поединках друг с другом. Такое обучение не обходилось, конечно, без царапин и порезов, зато было очень продуктивным и быстрым. Удары, конечно, отрабатывались на связанных охапках хвороста и пучках конского волоса. Кроме этого мы различными упражнениями развивали силу и ловкость, тренировали остроту глаз и слуха, обучались распознаванию следов, сооружению укрытий и укреплений, обработке и врачеванию ран и еще многому, что могло понадобиться в битве или походе. Это обучение занимало все наше время, кроме еды, сна и краткого

отдыха. Один раз в неделю нас поочередно отпускали домой, что было очень кстати. После расплаты с долгами дела моей семьи заметно улучшились, скудная торговля стала приносить доход, позволяющий сводить концы с концами. Мать, постигшая искусство торговли ценой горького опыта, теперь вела дела очень осторожно, стараясь глядеть вперед и больше не влезать в долги. Для меня было большим облегчением наблюдать это, так как я понимал, что рано или поздно мне придется покинуть их и, может быть, навсегда. Братьев я напутствовал также постигать торговое дело, чтобы со временем принять его. Пока же формально наши дела согласился вести близкий друг отца, которому я пообещал, в случае военной удачи, долю трофеев.

Так прошли два первых месяца моей службы. За это время я основательно освоил все, чему нас обучали, превзойдя благодаря изначальной ловкости многих своих товарищей. Имея склонность анализировать увиденное, я даже улучшил некоторые приемы и премудрости боевого и походного искусства, за что не раз удостоивался похвалы начальников и наставников и даже получил несколько дополнительных свободных дней. Убогое же свое вооружение я привел в идеальный порядок, тщательно вычистив песком всю ржавчину и наточив до такой степени, что кинжалом можно стало даже браться.

Тем временем наша военная жизнь постепенно становилась все скучнее. Тренировки стали привычными и надоели, необходимые знания были повторены уже много раз, все истории из жизни рассказаны всем окружающим. Все с нетерпением ждали начала каких-нибудь военных действий, хотя думали о них всегда с содроганием, понимая, что они могут принести гибель. Военачальники начали уже подумывать об использовании новобранцев в качестве рабочей силы на строительстве и благоустройстве города. Как вдруг из Мекки пришел приказ о выступлении полка новобранцев для соединения с войском в две тысячи воинов, выступающих под началом самого халифа Аль-Малика, который решил лично отведать ратной славы умиротворением не в меру разгулявшихся кочевников в пустынных районах центральной части страны. Так что на следующий день, наскоро собравшись и едва успев проститься с родными, мы покинули Сану.

Оживление такими переменами после двух месяцев однообразной жизни в лагере, предвкушение подвигов в битвах и, может быть, какой-никакой добычи и, конечно, жажда увидеть что-то новое придавали нам сил, и передвижение наше проходило довольно быстро. Так что очень скоро стены родного города остались далеко позади, и никто из нас даже не успел толком запечатлеть их в своей памяти. А ведь многим из нас так и не суждено было вернуться назад: кто-то

пал в сражениях, кто-то со временем осел на новых местах, кто-то, сменив меч на посох паломника, отправился в долгие странствия по Благословенным землям. Я же лишь пару раз бросил на них взгляд, да и то лишь потому, что никогда не видел их прежде. Может быть, поэтому они показались мне какими-то чужими и не тронули ни одной струны моей души, и я нисколько не сожалел, что покидаю их. Я смутно чувствовал, что мой вожделенный мир лежит где-то впереди, за бескрайними барханами песка и щебня, реками и городами, за пределами понятий простого горожанина или крестьянина. Он являлся мне во снах в причудливых и невнятных очертаниях и неудержимо манил к себе. И поэтому я рьяно шел во главе своего десятка туда, куда вели нас наши эмиры. Мне было совершенно все равно, куда мы идем, ибо я был твердо убежден в том, что любой путь в конце концов приведет меня туда, куда нужно. Единственное, что томило мою душу, — это разлука с матерью, братьями и сестрой и беспокойство за их судьбу. Но я точно знал, что при первой же возможности вернусь к ним, хотя и не навсегда. Мои душа и разум рвались вдаль, и, вспоминая рассказы своего учителя-звездочета и бывавших в нашем доме приезжих торговцев, я мечтал увидеть и узнать столько же и даже больше, чем они.

Через три недели пути мы встретились наконец с основным войском. Халиф Аль-Малик приехал лично поприветствовать, а скорее — оценить нас как бойцов. Он, облаченный в пышные одежды, восседал на великолепном скакуне, окруженный десятком телохранителей. По его виду, а также по его лагерю, который мы видели с почтительного расстояния, можно было подумать, что он выехал на прогулку или на охоту. Очевидно, этот поход он именно так и задумывал, будучи вдохновлен недавними успехами своей армии, низвергнувшей Абдула ибн Аз-Зубейра и открывшей ему путь в Мекку. Он стремился как можно скорее осуществить переполнявшие его голову грандиозные планы, и рядом с ними эта маленькая задача вовсе не выглядела в его глазах серьезно. Ее решением он занялся лишь потому, что его убедили в необходимости такового. Обладающий большим богатством, окруженный преданными людьми и располагающий могучей армией, он считал себя всесильным, способным преодолеть любые трудности, решить любые задачи, не оглядываясь на мелочи и не считая нужным соблюдать какую-либо осторожность. В его в чем-то юношеском еще уме совсем не укладывалось, что в делах на общее благо, да еще когда все продумано и предусмотрено, могут возникнуть сколь-нибудь серьезные, а тем более — опасные, неожиданности. Однако вскоре произошло событие, которое значительно охладило его пыл. И благодаря ему в дальнейшем он стал действительно достойным повелителем, решите-

льным, но осмотрительным, что позволило ему совершить немало славных и важных дел на благо государства. Для меня же оно также имело большое значение, так как приблизило меня к нему и через длинную череду других событий определило весь мой путь, конца которого я теперь даже не берусь предугадать.

Итак, наш полк, насчитывавший три с лишним сотни молодых, неопытных воинов, разделили на несколько частей, определив для каждой позицию в стороне от основных сил, к которым постоянно подходили все новые отряды из других городов. Сотню, в которой остался я со своим десятком, поставили в трех километрах юго-западнее войска халифа. Другие же группы воинов, численность которых возрастала с удалением от центра, расставили особым порядком, так что получилось что-то вроде сети, охватывающей довольно большое пространство. Район, в котором все мы находились, в последнее время дурно славился лихими проделками «псов пустыни» — небольших отрядов пустынных кочевников из разных племен, не желающих признавать власть повелителя и промышляющих разбоем среди мелких поселений и на караванных путях. По замыслу военачальников это огромное «сооружение», медленно двигаясь с соблюдением установленного порядка, должно было прочесать беспокойный район и выловить возмутителей спокойствия. Расстояние между отрядами было достаточно большим для широкого охвата территории, но в то же время достаточным для устойчивой связи между ними. По тому же замыслу, если бы один из отрядов обнаружил или подвергся нападению «псов», ближайшие, получив условный сигнал, могли без промедления прийти на помощь. Однако того, что произошло в одну из ночей, не мог предвидеть никто.

В эту ночь я стоял в дальнем дозоре на расстоянии полета стрелы от лагеря, устроившись в небольшом углублении на гребне дюны. Такое положение делало меня незаметным по крайней мере с двух сторон, что имело большое значение: уже не один дозорный был сражен стрелой, стоя открыто. Обзор же с моего места был прекрасным во все стороны. К тому же яркая луна очень хорошо освещала все вокруг. Спать не хотелось совсем: мысль о том, что враг может напасть в любой момент, прекрасно разгоняла дремоту и обостряла чувства. Кроме меня в дальнем дозоре стояли еще пять человек, образуя вокруг лагеря шестиугольник. А возле самого лагеря так же по кругу располагался еще ближний дозор, готовый принять и передать тревогу.

Я время от времени оглядывал окружающую местность, внимательно вслушиваясь в ночные звуки, и вдруг услышал далекий топот копыт. Песок сильно глушил его, но за время похода мой слух обострился и научился различать звуки, измененные песком. Топот при-

ближался, и я понял, что всадник движется прямо на меня. То, что всадник был один, я определил сразу. Однако через некоторое время я вновь услышал топот уже целой группы лошадей, приближавшихся ко мне с другого направления, как бы наперерез первому. Я увидел их почти одновременно. Первый всадник приближался, как я правильно угадал, с востока. Он скакал во весь опор, и я с изумлением узнал в нем самого халифа Аль-Малика. С севера же стремительно приближались шесть человек в незнакомой одежде. Но в следующее мгновение я понял, кто они: их облик был очень похож на неоднократно повторяемый в рассказах бывалых воинов облик «псов пустыни». Я понял, что они выслеживали халифа, который необъяснимым образом оказался один среди пустыни и теперь представлял для них легкую добычу. К тому же что-то подсказывало мне, что эти шестеро — лишь часть отряда, и что вот-вот появятся остальные.

Времени на раздумья не было: преследователи были уже совсем близко. Я вскочил и, громко призывая на помощь, бросился навстречу всадникам. Как раз в этот миг халиф проскакал мимо меня, я же повернулся к преследователям. Первый немного обогнал остальных, и я очутился с ним лицом к лицу. В руке его я увидел сложенную кольцами веревку, которую он готовился метнуть. Но я опередил его: привычно размахнувшись, я метнул в него копье. Он качнулся в сторону, но уклониться не успел: копье ударило его в плечо. От всего этого он потерял равновесие и, соскользнув с седла, упал на песок. Лошадь же его, резко остановившись, затопталась на месте и дважды наступила на него. Подоспевшие тем временем его спутники от неожиданности осадил коней, что дало возможность халифу развернуться и встретить врага обнаженным мечом. Двое всадников проскочили мимо меня, третий же обрушил на меня огромный и, очевидно, очень тяжелый меч. Но я неожиданно для него резко и низко присел, и меч, просвистев надо мной, с силой ударил в песок. Всадник же, не успев ничего поделать, увлекаемый своим мечом вниз, приник к холке коня, оказавшись на моей высоте. Воспользовавшись этим, я схватил его за одежду и, притягивая к себе, нанес ему колющий удар кинжалом в грудь, стараясь попасть в сердце. Похоже, это мне удалось, ибо противник тут же обмяк и повис в седле, уже не пытаясь распрячься. Второй всадник, следовавший прямо за ним, схватил его сзади за ворот и потянул на себя, пытаясь помочь. Но тот лишь беспомощно откинулся назад. Поняв свою ошибку, разбойник схватился за торчащий у него за поясом топор, но время было упущено. Я, схватив его коня за гриву, подпрыгнул и что было силы полоснул кинжалом по его шее. Хлынувшая потоком кровь обильно окропила мой халат, хотя я сразу отскочил, едва устояв на ногах, увлекаемый движением скачущей лошади.

Тем временем халиф, мастерски гарцуя на своем великолепном коне, ловко отбивался саблей от наседавших на него с двух сторон врагов, превосходящих его ростом и силой. Видя, что шестой всадник после гибели подряд троих своих товарищей остановился в нерешительности, я подхватил свое копьё и метнул его в одного из противников халифа. Оно попало в бедро лошади, которая тут же, осев, повалилась на бок, придавив собой ногу всадника. В тот же момент халиф, воспользовавшись замешательством, достал саблей второго и двумя взмахами справился с ним, после чего снес голову придавленному лошадью.

Я облегченно перевел дух, но тут вновь послышался топот коней, и с севера показались всадники, по виду похожие на тех, с которыми мы только что разделались, числом не меньше полутора десятков. Дело вновь принимало серьезный, скорее даже — безнадежный, оборот. Я схватил топор убитого мною разбойника, но не смог поймать ни одной из лошадей. Полезным сейчас мог бы оказаться лук, но меня не обучили стрельбе из него, так же, в общем, как и владению топором. Однако я сжал его в руках, полный предсмертной решимости. Халиф подъехал вплотную ко мне, держа в каждой руке по сабле.

— Как твое имя? — спросил он.

— Абдул аль-Хазред, о великий, — ответил я.

— Держись, Абдул аль-Хазред! — решительно сказал он.

Но вдруг из-за ближайшей дюны раздались воинственные крики, и на ее гребне показались десятка два пеших воинов. Это спешила на мой зов подвижная группа моей сотни. Бойцы что было сил бежали наперерез врагу, на ходу раскручивая пращи. Всадники вмиг были осыпаны камнями и копьями. Растерявшись, они осадили коней и не сразу догадались взяться за мечи. Благодаря этому ополченцы успели добежать до них и теперь ловко сновали между ними, уклоняясь от ударов, то и дело пуская в ход свое оружие. Мы с халифом, воодушевившись неожиданной переменной, бросились в схватку. Несмотря на то что несколько моих товарищей все же были сражены, численный перевес был на нашей стороне. Разбойники, поняв это, обратились в бегство. Тем временем из-за восточной дюны, взметая облака пыли, с гиканьем и свистом стремительно вылетел большой конный отряд. По богатым сбруям коней и роскошным доспехам я сразу узнал в воинах телохранителей халифа, во главе же отряда скакал один из его визирей. В воздухе засвистели стрелы. Но оставшиеся в живых «псы пустыни» уже исчезли, словно растворившись во тьме.

После того как всадники спешили и склонились перед повелителем, а мои ополченцы, упав на колени, коснулись лбами песка, халиф неторопливо слез с коня, бросил на песок одну из сабель, а вто-

рую вложил в ножны. Визирь торопливо осведомился, все ли с ним в порядке, не ранен ли он, и призвал небеса вечно хранить его. Халиф снисходительно ответил, что с ним все в порядке, и в свою очередь осведомился, как обстоят дела в его лагере.

— Не беспокойся, о великий, — ответил визирь. — В лагере наведен порядок, все разбойники уничтожены. Только... мы подоспели недостаточно быстро: много людей погибло. Там был большой бой. Хвала Аллаху, что тебе удалось вовремя ускакать оттуда.

— Возможно, я ускакал вовремя, — ответил халиф. — Хотя мне было бы приличнее сражаться рядом с моими воинами. Но в той суматохе я просто растерялся и слепо подчинился призыву слуг спасаться. Однако опасность подстерегала меня не только в лагере. Очевидно, эти разбойники решили устроить на нас охоту. Меня преследовали, и я не спасся бы, если бы не этот достойный юноша и его отряд.

При этом он указал на меня. Поймав на себе удивленные взгляды благородных воинов, я едва не задохнулся от восторга, а мои друзья скромно опустили глаза. Но я чувствовал, что и их переполняет гордость за то, что именно они спасли от смерти или пленения самого халифа.

— Эти почти безоружные юноши сражались, как настоящие воины, — продолжал халиф. — А этот, — он снова указал на меня, — один уложил троих и помог мне справиться еще с двоими. Скажи мне, Абдуль-Хазред: во многих ли боях ты участвовал?

— Это был мой первый бой, о великий, — ответил я.

Удивлению визиря и телохранителей не было предела. Халиф же медленно прошелся перед выстроившимися в ряд ополченцами, внимательно оглядывая их. На его лице явственно читался недавно пережитый ужас и понимание того, что он остался жив только благодаря нам.

— Кто вы? — спросил меня халиф.

— Мы — из Саны, — ответил я. — Там, за третьей дюной, стоит наша сотня. Я же стоял в дозоре и услышал...

— Ваша храбрость достойна награды, и вы ее получите.

— Позволь нам, о великий... — начал один из моих товарищей и осекся.

— Говори, — милостиво сказал халиф.

— Позволь нам взять оружие убитых разбойников, чтобы впредь доблестно служить тебе, — запинаясь от волнения, выдохнул ополченец.

Халиф жестом подозвал визиря.

— Повелеваю: все трофеи, собранные со дня выступления, раздать воинам этой сотни, — он махнул рукой на запад. — Всем этим

молодцам выдать по десять золотых и подготовить фирманы на выделение земельных наделов в Сане с бесконечным наследованием. Остальным воинам сотни выдать по пятьдесят серебряных, и всем назначить жалованье наравне с основным войском. Абдул аль-Хазред, сколько твоих воинов погибло в этом походе?

— Сегодня — шестеро, о великий. И еще четверо застрелены раньше, стоя в дозоре.

— Выдать фирманы на землю их семьям, — продолжал распоряжаться халиф. — Послать им по пятьдесят динаров и в течение десяти лет выплачивать жалованье погибших.

Мои друзья бросились к халифу и, упав перед ним на колени, принялись целовать полы его халата. Он же жестом приказал им вернуться на место и повернулся ко мне. Я в это время нагнулся за брошенной им саблей.

— Не спеши выбирать себе оружие, Абдул аль-Хазред! — сказал он. — Отныне ты будешь служить в моей гвардии. Но прежде ты поедешь со мной в Мекку. Слушайте все! — Он возвысил голос. — Этот юноша спас мне жизнь и проявил истинную доблесть в этом бою: он с одним кинжалом грудью встал против шестерых всадников! Это он призвал своих воинов на помощь и до их подхода бился с несколькими, превосходящими его по силе и опыту. Ты достоин особой награды, Абдул аль-Хазред, и я приглашаю тебя к себе во дворец.

Услышав эти слова, я остолбенел и потерял способность мыслить. Придя же в себя, упал к его ногам и поцеловал его сапог. Халиф же обратился к визирю:

— Завтра я возвращаюсь в Мекку. Командовать походом будет эмир Аль-Алим. Ты останешься с ним. Организуйте охрану так, чтобы то, что случилось сегодня, не смогло повториться. Меня же ждут другие дела. Аль-Хазред пусть получит хорошего коня со сбруей, одежду и доспехи гвардейца, оружие же я вручу ему сам. — Затем он повернулся к ополченцам. — Воины! Отныне вы будете называться именно так. В этом бою состоялось ваше боевое посвящение! Ступайте в свое расположение, обрадуйте всех и передайте благодарность повелителя. Соберите оружие разбойников и ваших погибших товарищей. Разбойников обыщите: все, что найдете, — ваше. Тела товарищей возьмите с собой. Утром я пришлю к вам муллу, чтобы похоронить их достойно. Ступайте!

Мои друзья рванулись к нему, чтобы благодарить, но он властным жестом остановил их, указав на лежащие на песке трупы. Затем проворно вскочил на своего коня.

— Мы едем в лагерь. Коня Аль-Хазреду! — коротко приказал он и поскакал на восток.

И только сев на коня и неумело направив его вслед отряду, я вдруг осознал, что только что участвовал в самом настоящем, хотя и совсем маленьком, бою. Что только что состоялось мое, как сказал халиф, боевое посвящение. Это была уже не тренировка в лагере, это был настоящий бой! Я стоял лицом к лицу не с товарищем по поединку, а с настоящим врагом, опытным и беспощадным, лицом к лицу с самой смертью! В моих руках было оружие не для упражнения, а для уничтожения врага. Я убивал!.. В эти мгновения судьба поставила мне жестокое условие: убивать, иначе убьют меня! И я убивал. Одного за другим. На моем кинжале и на моем халате — кровь врага, убитого мною. Кровь человека, убитого мною!!! Эта ужасная правда настигла меня только сейчас. Когда я вступал в войско, все предстоящее казалось игрой, чем-то само собой разумеющимся, и мне и в голову не могло прийти, что оно может оказаться таким ужасным. В те мгновения недавнего боя я не думал об этом, в те мгновения я не мог думать об этом. Я думал лишь о том, как нанести удар, чтобы он оказался смертельным для врага, и как самому избежать такого удара. Все произошло само собой. И это было хорошо! Очевидно, так и должно быть. И слава Аллаху, что эти мысли пришли в мою голову лишь сейчас, повергая меня в ужас и смятение. Там не должно быть ни ужаса, ни смятения, иначе — смерть. Слава Аллаху! Ведь я мог бы остаться лежать там, на холодном песке. В этом бою мне повезло: я остался жив, более того, я был победителем! И я завоевал свое право гордиться этим.

Ужас и гордость, сменяя друг друга, сопровождали меня на всем пути до лагеря халифа. Все это время я не в силах был думать ни о чем другом. И только когда мне, с медным шлемом на голове несущему под мышкой новенькое платье и доспехи гвардейца, сунули в руки глиняную миску и подтолкнули к котлу с дымящимся пловом, я вдруг вспомнил одинокого всадника, несущегося в ночи через пустыню. Ужасная загадка, вспыхнувшая тогда тут же погасшей искрой, встала теперь передо мной во всей своей непостижимости. Как и зачем мог халиф без всякого сопровождения оказаться в полной опасностей ночной пустыне? Но даже вспомнив отрывочные слова о падении на лагерь, я, получив свою порцию и присев поодаль на песок, не успел ничего предположить: ко мне подошел гвардейский сотник и осведомился, все ли у меня в порядке. Поблагодарив за заботу, я задал ему терзавший меня вопрос. Сотник, обрадовавшись, что нашел собеседника, с удовольствием, хотя и с большим волнением, рассказал мне о событиях прошедшей ночи. Он со своей сотней как раз находился здесь и был непосредственным их участником.

Он сообщил, что ближе к середине ночи лагерь подвергся нападению большого отряда «псов пустыни», очевидно, объединенного из нескольких, что бывает крайне редко. Причем нападение, судя по всему, было хорошо подготовлено заранее и, видимо, не обошлось без предательства. Похоже, в войске с самого начала похода находился человек, передававший врагу его секреты: количество воинов в отрядах, расположение дозоров, местонахождение шатров, передвижения и планы действий. Так что враг знал все, что ему было нужно для внезапного нападения.

Итак, после того как вернулись наши разведчики, и наверняка оповещенный об этом, враг стянул к лагерю большие силы — вероятно, все, какие смог собрать. Терпеливо выждав, когда все в лагере основательно уснуло, разбойники расстреляли отравленными стрелами дозорных и их собак — сначала дальнего, а затем и ближнего дозора, — используя яд, убивающий на месте. Поэтому никто не успел поднять тревоги. Неслышно пробравшись в лагерь, «псы» принялись за часовых, стоявших у шатров, и могли бы, наверное, перерезать всех или, по крайней мере, наделать много плохого. Но, похоже, таких планов у них не было. Видимо, они рассчитывали, незаметно проникнув в лагерь и выполнив там какие-то свои задачи, так же незаметно покинуть его. При этом основные их силы в лагерь не пошли, а расположились несколькими группами вокруг. Для чего они так поступили, так никто и не догадался. Ясно было одно: они должны были вступить в бой, если отряд, проникший в лагерь, будет обнаружен, чтобы помочь ему, что в конце концов и произошло. Но нападавшие почему-то не учли одного: того, что в некоторых шатрах, в том числе и в шатре халифа, тоже находились сторожевые собаки. Именно они, учуяв и услышав приближающегося врага, подняли громкий лай и первыми бросились на него. Это было неожиданностью для обеих сторон. Проснувшиеся воины халифа в первый момент ничего не поняли, что дало возможность противнику опомниться и начать активные действия. Большая группа бросилась в атаку на шатер халифа, который, очевидно, был их главной целью.

Но когда из шатра на них выскочила свора огромных псов, уже они остановились в замешательстве. Псы, обученные схватке с вооруженными людьми, рассеяли отряд, не дав ему с ходу напасть на шатер. Подоспевшие телохранители халифа вступили в бой со вторым отрядом разбойников, слуги же под руки вытащили толком не проснувшегося халифа из шатра и потащили к коновязи. Оставаться в лагере было опасно, ибо никто не знал, каково число нападавших и скоро ли придет подмога. Почти все они были сражены стрелами, но халиф успел вскочить на коня и, вырвавшись из уже охваченного

боем лагеря, во весь опор поскакал на северо-запад. Там, на некотором удалении, находился главный и самый многочисленный отряд его войска. Он не знал, смогли ли его телохранители подать сигнал о нападении — две горящие стрелы, — по которому оттуда должна была выступить помощь. Поэтому он мчался, надеясь лишь на своего коня и удачу. Но вдруг он заметил вражеских всадников и, надеясь обойти их, отклонился к западу. Враги тоже заметили его и начали преследование. И в конце концов все они выехали на меня.

В лагере же события разворачивались своим чередом. Поняв, что врасплох воинов халифа застать не удалось, «псы пустыни» со всех сторон бросились в атаку на лагерь, где их встретили копыта гвардейцев. По краю лагеря завязалась ожесточенная схватка. Силы были примерно равны, но гвардейцы были зажаты с двух сторон, так как за их спиной, в центре — тоже кипел бой. Но вдруг за спиной у нападавших запрыгали огни факелов, и в общий шум боя ворвалось многоголосое улюлюканье и истошные вопли. Вслед за этим с северо-запада и с юга в тыл «псам» ударила конница. Ошеломленные разбойники заметались в панике, затем обратились в беспорядочное бегство. Однако несколько отрядов, тесно сплотившись, вдруг с удивительным упорством и ожесточением стали пробиваться к центру, где еще продолжал кипеть бой. Ценой больших потерь им удалось пробиться к шатрам, в которых хранились оружие и довольствие. Здесь они, сломив сопротивление немногочисленной охраны, плотным кольцом окружили шатер, в котором были сложены трофеи. Несколько человек проникли в него, остальные же заняли круговую оборону.

Тем временем конница вместе с оставшимися защитниками лагеря завершила разгром основных сил противника. Небольшие разрозненные группы разбойников быстро таяли и исчезали под их неудержимым натиском. Большой отряд всадников во главе с визирем отправился по следам халифа. Остальные устремились на последний, иступленно отбивающийся отряд, сомкнувший плотное кольцо вокруг шатра с трофеями. Но когда из него вышла группа разбойников, кольцо вдруг начало двигаться и, освободив шатер, сомкнулось вокруг них. Сотник, повидавший не одно сражение, был поражен строевым искусством этих дикарей. Но еще больше он был поражен загадкой: что же нужно им было в этом шатре, если они так неудержимо стремились к нему и, захватив, так яростно его обороняли? Это кольцо в несколько рядов воинов, остервенело отбиваясь, медленно продвигалось к краю лагеря. Было совершенно ясно, что целью «псов» теперь было — вырваться, сохранив то, что находилось в центре. Вспоминая сейчас этот бой, в самой гуще которого он находился

и видел все воочию, сотник вдруг понял, что истинной целью атаковавших лагерь «псов пустыни» был именно этот шатер, вернее, нечто, находящееся в нем. Атака же на шатер халифа была лишь отвлекающим маневром. И возможно, что, забрав то, что им было нужно, они ушли бы так же тихо, как пришли.

Разбойникам удалось дойти почти до самого края лагеря, где, как оказалось, их ждала, спрятавшись за ближайшей дюной, еще одна группа с оседланными лошадьми. Но силы «псов» были истощены колоссальным напряжением битвы. Ряды оборонявшихся пали один за другим, а горстка воинов в центре была просто смята и растоптана.

Я слушал рассказ сотника с замирающим сердцем и, не в силах сдержать разгоревшегося любопытства, перебил его:

— Так что же они вынесли из шатра?! Ведь если они покинули его, значит, нашли, что искали!

— После того как мы перевели дух, эта мысль пришла в голову и мне, и еще многим, — продолжал свой рассказ сотник. — Мы обыскали всех «псов», захвативших шатер, но не нашли ничего, за что стоило бы так отчаянно сражаться. Все пришли в полное недоумение: что же тогда «псы пустыни» делали в шатре? Или, может быть, они не нашли того, что искали? Раздумья наши прервал прибежавший молодой воин, который сообщил, что в шатре учинен полный разгром: все трофеи, которые были аккуратно рассортированы и уложены, теперь варварски перемешаны и разбросаны так, что некуда ступить. Все выглядит так, словно разбойники в большой спешке что-то усиленно искали. Но что?! Цена, заплаченная ими за это «что-то», говорила о том, что оно имело для них огромное значение и ценность. И тут воин, побывавший в шатре, сетуя на свою забывчивость, с волнением добавил, что в одном из углов шатра обнаружил большие пятна свежей крови. Это показалось ему странным, так как в самом шатре схватки не было. Тогда один из гвардейцев, обыскивавших мертвых «псов», вдруг вспомнил, что видел на теле одного из них свежую повязку. Гвардеец был удивлен тем, что ему смогли наложить повязку в такой суматохе, когда не было времени даже вытереть пот со лба. Услышав это, я тут же приказал найти тело с повязкой. Когда же его отыскали, я сам снял с него одежду и действительно обнаружил повязку, в одном месте слегка пропитанную кровью. Повязка была наложена столь искусно, что, вероятно, даже позволяла ему сражаться. Я велел позвать лекаря, который подтвердил мою догадку. Я приказал ему снять повязку так же осторожно, как если бы этот человек был жив. То, что мы увидели, когда лекарь исполнил мой приказ, удивило нас до крайности: на теле, слева ниже груди, повторяя изгиб края ребер, имелся, очевидно, глубокий, разрез шириной в ладонь, который был аккуратно зашит.

К горлу у меня подступил комок, но я приказал лекарю вскрыть шов и обследовать рану. Он осторожно разрезал нитки своим маленьким ножом, с помощью которого извлекал стрелы, и раздвинул края раны. Воины, собравшиеся вокруг, несмотря на жгучее любопытство, отвели глаза. Даже мне, выпотрошившему не одну сотню врагов, стало не по себе, так как мне вдруг подумалось, что сейчас я увижу что-то совсем необычное. Вглядываясь в недра раны, лекарь не без удивления сообщил, что пузырь с внутренностями не вскрыт, разрез же под самыми ребрами уходит далеко вглубь. И тут я в самом деле увидел такое, что заставило меня вздрогнуть. Лекарь вставил в рану какой-то свой инструмент, немного подвигал его там в разные стороны, затем потянул назад и вынул из раны странный предмет величиной с ладонь. При этом я заметил, как у него самого задрожали руки. Глаза же стоящих вокруг воинов наполнились леденящим ужасом, и было видно, что они с трудом сдержали вопль. Лекарь смыл водой кровь и протянул предмет мне. То была четырехугольная, немного удлинённая блестящая пластина, на первый взгляд — железная частица доспехов, но она не была железной и не была частицей доспехов. Я долго не решился взять ее в руки, так как перед моими глазами вдруг встала картина происшедшего этой ночью в шатре с трофеями, тогда как вокруг него горстка «псов пустыни» старалась во что бы то ни стало сдерживать натиск многократно превосходящего их войска халифа. Я словно наяву увидел, как разбойники торопливо разбрасывают и переворачивают все, не обращая внимания даже на изделия из золота с драгоценными камнями, в поисках одной-единственной вещицы. Найдя же ее, они разрезают тело своему товарищу, возлагая на него тем самым великую миссию хранителя. Стараясь не повредить стенку живота, чтобы не вызвать смерть, несмотря на текущую ручьем кровь, проникают клинком глубоко вдоль ребер, делая таким образом тайник, чтобы спрятать в нем свою вождеденную реликвию. Затем они засовывают ее туда... В этом месте у меня закружилась голова и перехватило дыхание. Я почти почувствовал то, что должен был чувствовать тогда этот человек, даже если перед этим он принял большую порцию опиума. Я-то прекрасно знаю, что такое — носить в себе даже маленький наконечник стрелы. Какими должны быть его мужество и благоговение перед этим куском металла, чтобы он мог решиться на такую пытку и выдержать ее!.. Наконец они зашивают рану и перевязывают ее по всем правилам лекарского искусства. И этот несчастный, превозмогая невероятные страдания, вместе со всеми выходит из шатра, чтобы с оружием в руках пробиваться в свои родные пески, унося в себе эту великую ценность, за которую он, очевидно, готов был отдать нечто гораздо большее, чем просто жизнь.

— Что же это была за пластина? — томимый любопытством, спросил я, едва он замолчал.

— По виду она была похожа на стальную, — ответил сотник. — Но когда взял ее в руки, я был поражен ее легкостью. Она была легче куска кожи таких же размеров. При этом обладала удивительной прочностью: я неизвестно зачем попытался согнуть ее пополам, она же, слегка прогнувшись, как клинок, распрямилась обратно. Я раньше никогда не видел такого металла. Поверхность ее была отполирована настолько, что в нее можно было смотреться, как в зеркало. На одной ее стороне были отчеканены какие-то непонятные изображения и знаки, другая же была сплошь покрыта множеством маленьких значков, настолько замысловатых и разнообразных, что у меня зарябило в глазах. Она была похожа на каменную скрижаль, плиту или глиняную дощечку с непонятными письменами ушедших народов.

— А на что были похожи изображения? — жадно допытывался я.

— Я не стал их разглядывать, — ответил сотник. — Ибо, едва я взглянул на них, на меня вдруг повеяло чем-то нечестивым и страшным, будто я заглянул в преисподнюю. Я сразу отвел от нее взгляд и про себя прочел молитву. Так что эти изображения не запечатлелись в моей памяти.

— А где же она сейчас? — Я почувствовал острое желание взглянуть на нее.

— Я отнес ее обратно, к остальным трофеям. В шатре к этому времени уже навели порядок. Но едва я положил ее в ларец, явился эмир и передал повеление халифа погрузить все трофеи на верблюдов и отправить в расположение твоей сотни, чтобы раздать воинам. Так что сейчас она как раз в пути. Мы отправили с караваном хорошую охрану — думаю, ее больше не похитят.

— А халиф не пожелал бы, узнав ее историю, оставить ее себе? — замирая от волнения, осторожно спросил я.

— Он знает ее: я рассказал ее визирю, а тот — халифу. Слушал халиф с интересом, но сказал лишь одно: «Пусть она станет наградой тому, кому достанется... если он решится прикоснуться к ней». Тело же того несчастного он повелел не сваливать вместе с другими, чтобы сжечь, а предать огню отдельно в знак уважения за столь мученическую смерть и столь самоотверженное исполнение своего долга.

С этими словами сотник поднялся и, потрепав меня по плечу, зашагал прочь. Я растерянно заглянул в свою миску: она была пуста. В голове моей все продолжали звучать слова воина, повествующие о таинственных событиях минувшей ночи, а перед глазами неотступно стояла магическая пластина, безмолвно позвавшая на гибель целое войско: то ослепительно сверкающая в свете факела, то — обогрен-

ная кровью человека, претерпевшего ради нее нечеловеческие страдания, прежде чем отдать ей свою жизнь. Странное чувство овладевало мной, постепенно наполняя меня, как густой шербет наполняет кувшин. Я вдруг ощутил неудержимую потребность овладеть этой пластиной. Она была необходима мне, как мой верный старенький кинжал, как фляга с водой, как согревающий душу амулет — подарок сестры, как путеводный талисман в пути к заветному. Едва различимый, но незабываемо твердый и убежденный голос, доносящийся из самых глубин моего сознания, настойчиво шептал мне, что я пришел сюда именно за ней, именно из-за нее я прошел через все то, что теперь лежало на моих плечах ратной доблестью, мудрым опытом и сияющей славой. Что именно она явится тем самым ключом, который откроет мне ворота в мир, являвшийся мне пока лишь в туманных грезах и в котором мне суждено обрести себя. И едва густой шербет наполнил меня до краев, во мне созрела твердая решимость овладеть ею во что бы то ни стало.

Поэтому на следующий же день, поскольку никаких боевых действий не предстояло, а халиф отсрочил свой отъезд на два дня, я обратился к сотнику с просьбой отпустить меня в распоряжение бывшей своей сотни, чтобы проверить справедливость распределения трофеев, так как я знаю своих товарищей лучше, чем кто-либо из посторонних. Сотник одобрил мое стремление и, заручившись позволением эмира, дал свое согласие, отрядив со мной шестерых гвардейцев.

Этот недолгий путь был полон для меня тяжелых мучений. Жгучее нетерпение невыносимо будоражило мою кровь, возбуждая неистовое желание прищипорить коня и пуститься вскачь, чтобы утолить наконец свое желание проникнуть в неожиданно вставшую на моем пути тайну. Но я вынужден был изо всех сил сдерживать свой порыв, чтобы не показать своего волнения остальным и не дать им заподозрить, что истинная цель этой поездки для меня кроется совсем в другом. Для успеха замысла мне необходимо было сохранять все это в тайне.

Наконец мы прибыли на место. Встреча с друзьями была теплой и радостной, хотя я чувствовал, что за щедрыми пожеланиями всяческих благ на новой службе скрывается горькая зависть. Однако они не скрывали своей радости и благодарности мне за то, что благодаря моим успехам и они не остались в обиде, получив весьма ощутимые блага. Они сообщили мне, что кроме вознаграждения халифа, прибавки жалованья и трофеев всем им после этого похода пообещали отпуск.

Трофеи, как оказалось, были разделены в высшей степени справедливо, с учетом желаний каждого, и обиженным не оказался никто. Все воины наконец-то получили хорошее оружие и доспехи, многие — сбрую для лошадей. Также была поделена одежда и всяческая утварь, деньги и украшения. Наиболее же ценные вещи — изделия из золота и серебра — было решено после окончания похода разделить между семьями погибших. Я был восхищен благородством своих соратников, хотя вполне мог его объяснить: познавший на своих плечах бедность и горе всегда справедлив и готов помочь попавшему в беду.

Однако, исполняя возложенные на меня мной же самим обязанности, я ни на миг не забывал об истинной цели моего приезда сюда. Сделав вид, что меня очень заботит, доволен ли каждый своей долей, что, надо сказать, и вправду заботило меня, я стал расспрашивать всех, что же именно они получили из трофеев. Мне пришлось опросить довольно многих, и я уже начал было беспокоиться, прежде чем все-таки нашел то, что искал. Один из ополченцев, с которым я был мало знаком, выглядевший старше меня и, видимо, поэтому смотревший на вещи чисто практически, сказал, что ему досталась довольно интересная, но весьма бесполезная вещица, которая сгодится, пожалуй, лишь на то, чтобы повесить на шею или прикрепить к одежде. Но поскольку она досталась ему как милость самого халифа, он уж не отдаст ее никому. На мою небрежную просьбу показать ее он охотно вынул из хурджуна таинственную пластинку и протянул мне. Невероятных усилий стоило мне унять дрожь в руках и сохранить спокойствие на лице, когда я принял ее из его рук. На первый взгляд она не представляла собой ничего особо интересного: непонятные и ничего не говорящие изображения на сероватом металле с одной стороны и множество маленьких, беспорядочно расположенных, хотя и весьма причудливых значков с другой. Поверхность ее действительно была тщательно отполирована. Обратив на это внимание хозяина, я неожиданно для него предложил продать ее мне. Я объяснил свое желание тем, что мне приходится часто бриться, и она очень пригодится мне в качестве зеркала. Хозяин замаялся было, бормоча что-то о милости халифа. Но я вынул два небольших рубина, пожалованных мне визирем, чтобы вправить в рукоять кинжала, дабы он выглядел достойно. Увидев их, боец охотно согласился. Не став детально разглядывать свое сокровище, чтобы не возбуждать любопытства окружающих, я спрятал его и продолжил свое дело уже без всякого усердия. Затем было воздание памяти погибшим, долгое прощание и возвращение в лагерь халифа, которые прошли словно в тумане.

И лишь подробно доложив эмиру о том, что все воины остались довольны наградами, и уединившись в укромном месте, я решил как следует рассмотреть свою таинственную находку. Когда я вынул ее из складки пояса, она вновь поразила меня своей непривычной и неестественной для металла легкостью. К тому же, отполированная до зеркального блеска, она была очень приятна на ощупь. Размерами она была чуть крупнее моей ладони, а толщиной — не больше толщины клинка кинжала. Форму она имела правильного вытянутого четырехугольника со слегка сглаженными углами и ребрами. Металл ее, очевидно очень прочный, в общем походил на железо, но отличался от него цветом: если почищенное до блеска железо назвать белым, то этот следовало считать серым, так как он был более темным, несмотря на тщательную полировку.

Изображения же на пластине, показавшиеся мне тогда лишеными какого-либо содержания, сейчас, при спокойном и детальном рассмотрении, стали вдруг наполняться каким-то непонятным для меня, но явно глубоким смыслом. Вместе с этим меня стало наполнять чувство, что я смог бы проникнуть в него, стоит лишь мне узнать нечто, чего я еще не знаю. Однако это нечто находится где-то совсем рядом, и нужно лишь найти к нему путь. Это чувство пробудило воспоминание о словах сотника про то, что он почувствовал, увидев эти изображения. Мои же чувства были совсем другими. Если сотник, по его словам, заглянул в преисподнюю, то передо мной, наоборот, словно бы открылась необъятная звездная даль, в которую я, будучи мальчиком, не одну сотню раз уносился в своих мыслях, глядя в ночное небо.

В верхней части пластины — я почему-то сразу решил, что она должна быть именно верхней — находился странного вида крест с загнутыми под прямым углом концами, причем углы эти были значительно сглажены. Концы же оставляли за собой постепенно сужающиеся шлейфы, которые, продолжая загибаться и закругляться, в конце концов сливались в сплошное туманное кольцо вокруг креста. Создавалось впечатление, что этот крест, загнутые концы которого объаты пламенем, летит в ночном небе, вращаясь вокруг своего центра. Ощущение полета усиливалось тем, что крест был изображен немного наклоненным назад.

Ниже был изображен шар — именно шар, так как он был идеально выпуклым, находясь в углублении. Вокруг него были вычерчены десять вытянутых окружностей, расположенных по-разному, но с одним центром — тем же самым шаром. На эти окружности были словно бы нанизаны маленькие шарики — по одному на каждой. Все они имели разные размеры, но гораздо меньше, чем у центрального.

Причем рядом с некоторыми из них находилось по одной или несколько совсем крошечных бусинок. Возле каждого из этих шариков, тоже как бы нанизанный на его окружность, был нанесен ряд очень мелких, но прекрасно различимых благодаря поразительной четкости непонятных значков. Некоторые из этих значков повторялись в разных местах, но последовательность и количество их везде были различны. Из всего этого я заключил, что это — слова. На поверхности центрального шара также имелось «слово». Я понял, что каждый из этих шариков имел свое имя или название. И вдруг мне почудилось, что изображения на пластинке... движутся. Это видение не на шутку испугало меня. Я тщательно ощупал изображения, стараясь припомнить, в каком положении они находились сначала. Сомнений не было: все они остались на своих прежних местах.

Однако стоило мне вновь взглянуть на них, я опять ощутил движение. На этот раз я уже не испугался, а стал с интересом наблюдать. Крест, медленно поворачиваясь вокруг своего центра, двигался прямо на меня, а пламя на его загнутых назад концах полыхало по-настоящему, только очень лениво. Шарiki же степенно ползли по окружностям, каждый в своем направлении. Мелкие бусинки вились вокруг них, словно мошкара. При этом все шары, включая и центральный, еще и лениво поворачивались вокруг своих центров... От такого количества одновременных и разнообразных, хотя и очень медленных движений у меня зорябило в глазах и закружилась голова. Я, закрыв глаза, резко потряс ею, чтобы стряхнуть наваждение, пораженный его четкостью и явственностью. Затем вновь ощупал изображения, чтобы убедиться, что они остались на местах. Спрятав пластину, я долго думал об этом видении, удивляясь, как такое вообще может привидеться. Ведь в фантомах является лишь то, что можно увидеть или о чем можно услышать наяву или представить в мыслях. А представить то, что мне сейчас пригрезилось... об этом даже страшно было подумать. Я опять вынул пластину и стал разглядывать другую ее сторону. Россыпь мелких, но тоже удивительно четких символов, бесконечно разнообразных по виду, казалась совершенно сумбурной. Они не располагались строчками или столбиками, вообще в их расположении, казалось, не было никакой системы. Многие, а может быть, и все значки неоднократно повторялись тут и там. Причем иногда они повторялись лежа на боку или стоя «вверх ногами» или «задом наперед», и я не мог понять, один и тот же это знак или уже другой.

И вдруг меня начало наполнять новое чувство. Мне стало казаться, что в этом пестрящем хаосе я начинаю улавливать признаки системы, что я почти понимаю ее. Что она просто очень сильно отлича-

ется от всех, привычных для нас, но столь же проста и естественна, стоит лишь уяснить себе ее суть. А для этого необходимо постичь лишь какие-то мелочи, и вся трудность заключается в том, чтобы их отыскать. Меня не покидало чувство, что я могу это сделать, и я должен это сделать, надо лишь нащупать правильный путь. Тогда я смогу прочесть то, что здесь написано, — в том, что это письмо, я нисколько не сомневался, — и смогу в дальнейшем читать подобные манускрипты. Но как этот путь нащупать? Я чувствовал, что он лежит где-то совсем рядом...

Впрочем, поразмыслив, я решил, что не стоит торопить судьбу. То, что произошло со мной, вне всякого сомнения, было прикосновением к какой-то великой тайне. А раз судьба доверила мне это прикосновение, значит, она готовит меня к проникновению в нее, иначе просто не может быть! А значит, нужно запастись терпением и ждать. Судьба не терпит спешки: все вехи, уготованные человеку, она посылает ему строго в назначенное время. Если же пытаться торопить события, можно сбиться с предначертанного пути и либо многократно удлинить его, либо вообще прийти в никуда.

Повесть вторая

МЕЧ И ЛАМПА

Итак, этот первый в моей жизни поход неожиданно закончился для меня получением почетного места в личной гвардии халифа и приглашением в его дворец в Мекке. Столь неожиданное боевое посвящение халифа, видимо, так сильно подействовало на него, что он решил устроить себе небольшой отдых в покое и безопасности столицы, поручив продолжение похода опытным военачальникам. Меня же он за все время пути в Мекку не отпускал от себя ни на шаг, переполненный благодарностью за свое спасение настолько, что однажды, витая в облаках опиума, даже назвал кровным братом. Он прекрасно понимал, что я спас его скорее не от смерти, а от пленения и, возможно, от рабства, что было бы гораздо хуже. Кроме того, рачетная свои щедрости, он явно старался блеснуть своим великодушием перед окружающими его вельможами и показать, сколь безгранична его доброта и сколь высоко он ценит преданность и усердие. Однако при этом он не забывал о том, что его положение обязывает его строго придерживаться государственной и кастовой иерархий. Поэтому он не обещал мне никаких высоких титулов, должностей и привилегий, посулив лишь блестящую гвардейскую карьеру.

По прибытии в столицу он на скорую руку устроил маленький, по его выражению, пир по случаю своего возвращения, затем погрузился в срочные государственные дела, назначив день большого пира в честь своего спасения и спасителя. Я не стану описывать величие города и великолепие дворца правителей, скажу лишь, что они потрясли меня до самых глубин моего существа. Такого искусства архитектуры и роскоши убранства мне, скромному горожанину, еще не доводилось видеть. Я благоговел, не веря, что вижу все это наяву и собственными глазами, неустанно благодаря Аллаха за то, что судьба привела меня в эти благословенные места.

Меня поселили в маленьком, но необычайно роскошном и уютном домике в прекрасном дворцовом парке рядом с фонтаном, представив ко мне, как мне казалось, чересчур много слуг и наложниц, ублажавших меня сверх всякой меры и надобности. До пира остава-

лось еще много дней, и я, предоставленный самому себе, очень скоро заскучал. Я был волен гулять где угодно, в том числе и по дворцу, кроме особо охраняемых покоев и помещений. Но я быстро обследовал все доступные мне уголки, испробовал все утехы дворцовой жизни и, истомившись бездельем, поведал об этом одному из визирей, встреченному однажды по счастливой случайности. Дело в том, что все визири, эмиры и прочие правители в последнее время были очень заняты накопившимися государственными делами, не говоря уже о самом халифе, и их совершенно невозможно было застать в досуге. Визирь проявил участие и, к моему великому восторгу, предложил мне посетить дворцовую библиотеку, где, по его словам, можно было провести без скуки целую вечность. В качестве проводника по этому хранилищу мудрости для меня был приглашен почтенный Дервиш, живший на самом краю города в маленькой ветхой хижине, заваленной истлевшими свитками, истертыми скрижалями и всяким доисторическим хламом. Этот Дервиш слыл самым мудрым человеком в Мекке. Рассказывали, что он полжизни провел в странствиях по всему свету, в которых неустанно изучал мудрости всех встречаемых им народов в стремлении составить из них картину мира. При этом никто не мог сказать, сколько лет прожил он на этом свете. Все горожане, от мала до велика, всегда помнили его таким, каким он был сейчас. Никто не знал также, откуда он родом и какой путь привел его в Мекку. Многие правители предлагали ему стать придворным наимудрейшим, соблазняя всеми земными благами. Но он продолжал влечить жалкое существование в своей убогой хижине, носить грубое потертое рубище, пить воду из протухшего колодца, питаться злаковой кашей и куриными костями и проводить долгие часы в молитвах. Причем, слушая его невнятный лепет, невозможно было понять, кому он их возносит, ибо язык, на котором он их произносил, не был понятен никому. Но, несмотря на такую убогую жизнь, никто из жителей не мог припомнить случая, чтобы его постиг какой-нибудь недуг. Его иссохшее тело не знало усталости, все зубы были в поразительной сохранности. Поднявшись на башню, он поражал стражников остротой своего зрения, а слухом не уступал собаке. Я с восторгом выслушал рассказ слуги о том, как два года тому назад один вельможа, живущий неподалеку, предложил Дервишу свое покровительство и защиту, если вдруг на него нападут разбойники. Дервиш снисходительно ответил, что от разбойников он способен защитить себя сам, и, заметив усмешку вельможи, предложил сыграть их роль восьмерым гвардейцам-охранникам, бывшим в тот момент рядом. Вельможа согласился и, предвкушая веселое представление, велел телохранителям напасть на Дервиша со всем

своим оружием. Представление и в самом деле получилось веселым, ибо Дервиш, вооруженный лишь своим извечным посохом, в мгновение ока самым непостижимым образом обезоружил всех восьмерых, не нанеся им при этом ни одной царапины. Затем с непревзойденной ловкостью связал их всех вместе невесть откуда взявшейся веревкой, так что они не могли пошевелиться.

Дервиш обладал удивительными знаниями в области всех наук, известных кому-либо, а его знания мира и людей были поистине неисчерпаемыми. Он охотно беседовал с каждым, кто обращался к нему с вопросом, не хуже любого лекаря помогал недужным и калекам, не видя при этом различий в достатке, ранге и происхождении, обучал неимущих грамоте или просто согревал нуждающихся добрым словом.

И конечно, совсем не удивительно, что следующие двенадцать дней, проведенные мной в храме мудрости в обществе этого удивительного человека, были для меня днями истинного блаженства, днями, подобных которым в моей жизни еще не было.

Библиотека располагалась в большом роскошном зале, убранство которого, пожалуй, не имело равного во всем дворце. Здесь было собрано огромное количество свитков, свезенных со всего света, каменных и глиняных пластин с письменами, манускриптов, написанных на древесной коре, тканях, воощенных дощечках. Имелось также немало книг — большая редкость и ценность. Это были летописи и легенды разных народов, труды мудрых, творения поэтов, повествования путешественников, толкования вещей и явлений и многое другое. Правда, значительная часть этого собрания была написана на иноземных и древних языках, непонятных ни мне, ни хранителям библиотеки. А ведь именно они в первую очередь разжигали мое любопытство. Но, на мое счастье, со мной рядом был почтенный Дервиш, который удивительным образом мог разбираться почти во всем, что встречалось нам здесь. Он способен был если не прочесть, то, по крайней мере, уловить смысл любого, за редким исключением, текста. За эти дни я с его помощью постиг столько, сколько мой покойный отец или любой из его знакомых не смогли бы узнать за всю жизнь.

За это время я очень привязался к Дервишу. Он, казалось, точно знал все направления моей пытливости и легко и уверенно вел меня тропой мудрости. Он точно угадывал мои стремления и предвосхищал вопросы, очень гармонично добавляя к ним еще многое и многое. Причем делал он это с неподдельной увлеченностью, и я явственно ощущал, что это доставляет ему какое-то особое удовольствие, будто он давно ждал меня, чтобы именно со мной поделиться своими

знаниями. Я же жадно ловил каждое его слово, стараясь запомнить и осмыслить все, о чем он говорил. И очень скоро по едва уловимым интонациям и иногда допускаемым им многозначительным недосказанностям я почувствовал, что этот исходящий от него поток знаний — лишь преддверие чего-то еще более глубокого и удивительно. Что он неторопливо и последовательно готовит меня к проникновению во что-то, о чем без его участия невозможно даже догадаться.

Под конец я уже не сомневался, что стою на пороге чего-то необыкновенного. А побывав однажды в его жилище и увидев своими глазами пресловутые древние письмена, был вдруг поражен, словно молнией. Взгляд мой тогда упал на слегка развернутый пергамент, лежавший среди груды прочих. Символы, начертанные на нем, показались мне удивительно знакомыми. Тогда у меня не было времени разглядывать их и задумываться о чем-либо. Но вечером, после плодотворного дня, этот краешек свитка вдруг совершенно явственно встал перед моими глазами, словно я вновь увидел его. И мне уже не нужно было напрягать память, ибо не было никаких сомнений. Я бросился к хурджуну, торопливо вынул из него заветную пластину и поднес ее к лампе. Таинственные знаки, покрывающие ее поверхность, в точности повторяли те, что сейчас стояли перед моими глазами. Причем повторялись не только сами знаки, но в некоторых случаях и их расположение и последовательность.

В ту ночь я смог уснуть, лишь прибегнув к опиуму. Я не мог знать этого наверняка, но почему-то был уверен в том, что та область, к проникновению в которую готовит меня Дервиш, напрямую связана с загадкой моей пластины. И возможно, сам Дервиш с моей помощью хочет проникнуть в какую-то еще не раскрытую им тайну. Последняя мысль, конечно, была лишь моей юношеской фантазией, ибо какую помощь в раскрытии великих тайн мог оказать мудрейшему из мудрых едва грамотный юнец? Как бы то ни было, теперь, когда я понял, что Дервиш имел соприкосновение с тем же, с чем и я, во мне утвердилась уверенность в том, что путь, приведший меня сюда, совсем не был простым совпадением случайностей.

И вот настал день пира. Я был рад этому, так как надеялся, что после него смогу наконец всерьез заняться каким-то делом. Праздничное убранство дворца вновь поразило меня своим великолепием и богатством. Правда, придворные, сетуя на сложное положение в государстве, предстоящие военные действия и в связи со всем этим необходимость соблюдения экономии, то и дело повторяли, что пир будет весьма скромным. Однако приглашенных было столько, что во дворце негде было повернуться, а их слуги и телохранители заняли всю придворцовую территорию. Но очень скоро все приглашенные

были аккуратно распределены и размещены по рангам и положению, а их слуги и телохранители расселены по различным помещениям. После того как таким образом был наведен порядок, начался пир. Угощения, сладостная музыка и зажигательные танцы прекрасных невольниц струились нескончаемым потоком, а восхваления и пожелания в адрес халифа сыпались, как капли во время благодатного ливня. Пышные одежды и драгоценные украшения гостей ослепляли своей пестротой, многочисленные голоса беседующих сливались в неумолчный гомон, то и дело взрываемый раскатистым смехом или восторженными восклицаниями.

Мне халиф отвел место среди самых желанных и знатных гостей рядом со своим тронem. Для меня это было тяжким испытанием. Я, бедный горожанин из низкого сословия, да к тому же подросток, не знал, куда деваться от устремленных на меня со всех сторон сотен глаз почтенных и именитых людей, отмеченных высокими титулами или обремененных священным саном, правящих государственную службу или овеванных ратной славой. В их взглядах я читал глубокое удивление присутствием здесь безродного простолюдина. Но в то же время в них читалось не менее глубокое уважение к удостоенному особой милости халифа, оказываемой далеко не всем и лишь за исключительные заслуги. При этом я чувствовал себя одиноким и беззащитным, больше всего на свете желая сейчас оказаться где-нибудь среди слуг или телохранителей.

Но вот прозвучал раскатистый удар гонга, халиф поднялся со своего места и обратился к мгновенно затихшим гостям с речью. Он объявил, что пир этот устроен в ознаменование совершенных и совершаемых в настоящее время важных дел, направленных на укрепление и процветание государства, но главное — в честь его спасения и спасителя! Тут он повелел мне подняться и в немногих, но очень жарких словах описал недавние события. Среди собравшихся пробежал удивленный гул, хотя все они наверняка были уже наслышаны о них. После своего рассказа халиф призвал собравшихся воздать мне славу, что было незамедлительно исполнено, отчего я совсем уж смутился и растерялся. Затем он обратился ко мне:

— Абдул аль-Хазред, выслушай же мое решение, и пусть услышат его все. Отныне ты — воин гвардии Халифата. Ты пришел в войско добровольно, и долг велит тебе служить в нем пять лет. Один год с нынешнего дня ты, находясь здесь, будешь обучаться военному искусству. Обучать тебя будут лучшие воины Халифата. Кроме этого, ты будешь обучаться мудрости, ибо сам почтенный Дервиш выразил желание быть твоим учителем. Спустя год ты сам сможешь сделать выбор: продолжать службу в гарнизоне Мекки или принять участие

в предстоящих походах и, возможно, сражениях, которые, на мой взгляд, как ничто другое, делают юношу мужчиной. По прошествии же пяти лет ты опять сможешь сделать выбор: продолжать военную службу или оставить ее. Если ты решишь остаться, ты получишь титул эмира и займешь в армии одно из высоких мест, если избереешь другой путь, получишь всякое возможное содействие. А пока я отпущаю тебя на два месяца к твоим родным.

Слушая халифа, я с трудом понимал, что все это происходит наяву. С тем, что я буду служить в гвардии, я уже свыкся, но то, что я продолжу обучение у почтенного Дервиша, повергло меня в истинный восторг. А то, что Дервиш сам пожелал быть моим учителем, вновь убеждало меня в том, что я стою на пороге проникновения в великие тайны, возможно, в те самые, которые грезились мне с раннего детства. За пять лет я смогу много повидать и многому научиться и конечно же определю свой дальнейший выбор. Наверное, никому из воинов еще не давали таких привилегий, как мне. Но больше всего обрадовало меня предстоящее свидание с родными: получалось, что я смогу побыть с ними целый месяц. Я припал к ногам халифа и с горячими словами благодарности поцеловал рукава его халата.

— Но это еще не все, — продолжал он. — Это — для тебя и твоей семьи.

Он взял с подноса, который держал стоящий рядом казначей, туго завязанный кожаный мешочек и протянул мне. Я принял его, поцеловав руку халифа и выразив восхищение бесконечностью его милостей, на что он ответил, что все они мною вполне заслужены. Следующие же его слова, обращенные к казначею, вновь разбудили во мне то ощущение таинственности, которое наполнило меня тогда, в военном лагере, после рассказа сотника.

— Принесите меч-загадку! — приказал он. — Я обещал сам подобрать для тебя оружие, — вновь обратился он ко мне. — Сейчас ты получишь то оружие, которого достоин.

Казначей с поклоном удалился, гости же вернулись к угощениям и разговорам. Было отчетливо слышно, что они оживленно обсуждают только что происшедшее. Я же, погруженный в мысли о том, что предстоит мне в ближайшем будущем, отвлеченно развязал мешочек и потрянул им над ладонью. Каково же было мое удивление, когда вместо ожидаемых серебряных монет из него посыпались рубины и сапфиры. От неожиданности я даже просыпал их на пол. Воистину щедрость халифа была достойна великих правителей: этих камней, пожалуй, хватило бы на покупку половины моего родного города! Я невольно залюбовался лежащими у меня на ладони камнями. Раньше я видел их лишь на пальцах богатых торговцев да на тюрбанах

знатных вельмож, изредка проезжавших по городу. Теперь я держал в руках целую пригоршню, и это была лишь небольшая часть. Солнечные лучи из больших окон падали на эту смесь глубоко синего и кроваво-красного и зажигали ее волшебным искрящимся сиянием, озаряющим, казалось, весь дворец. Это сияние вернуло меня к действительности. Я торопливо собрал просыпанные камни и стал думать о том, что могли означать слова «меч-загадка». Но как я ни старался, так и не смог представить себе ничего большего, чем грубые и, на мой взгляд, очень неудобные мечи «псов пустыни». Вместе с тем предвкушение того, что я сейчас получу оружие из рук самого халифа, рождало в моей душе тот знакомый мне детский восторг, который в хорошие времена неизбежно овладевал мною, когда я получал от родителей лакомство или какую-нибудь безделушку.

Тем временем вновь появился казначей. Многоголосый гомон в зале смолк без всякого гонга. Взгляды всех вокруг обратились на уже знакомый поднос в его руках, на котором лежало нечто действительно загадочное. То был длинный темный кожаный чехол, перехваченный несколькими серебряными обручами, с серебряным колпачком на конце, из которого торчало что-то, очень похожее на большую кость с характерной округлой головкой. Казначей почтительно приблизил поднос к халифу. Халиф принял с него странный предмет и, велел мне подойти, торжественно произнес:

— Этот меч многие годы хранился в сокровищнице халифов, куда еще до явления пророка он был перенесен из храма Кааба. В храм же он, по словам предков, попал с одного из языческих алтарей арабских племен. Никто не знает, где, когда и кем он был изготовлен. Летопись гласит лишь, что у объединенных племен был священный меч Мира, помещенный на алтарь, и это позволяет предположить, что перед нами именно тот меч. Наша высокая цель — восстановить мир и величие Халифата. Так пусть этот меч в твоих руках исполнит свое предназначение и послужит достижению этих благих стремлений. Отныне и навеки он — твой, и да не коснется его чужая рука.

С этими словами он извлек из чехла удивительный клинок изящной и изощренной, но в то же время строгой формы и, взяв его за рукоять и ближе к острию, протянул мне. Я, встав на колени и дрожа от восторга, принял меч из рук халифа и, прижав его к груди, коснулся лбом пола. Затем произнес клятву верно и доблестно служить халифу во имя Аллаха и на благо Халифата и поцеловал клинок. Халиф подошел ко мне вплотную и, положив руку мне на плечо, объявил, что именем Аллаха благословляет меня на славные дела и подвиги, и вдруг, наклонившись ниже, прошептал:

— Это — твоя судьба, ибо до тебя никто не решался прикоснуться к нему.

И опять я был поражен до глубины души. Халиф уже вернулся на свое место, а я все продолжал стоять на коленях, держа в руках обнаженный клинок и пытаюсь осмыслить последние его слова. Голова у меня шла кругом от густого тумана таинственности, которым все, с кем я говорил в последний месяц, словно стоворившись, усердно окутывали меня... Кто-то потрепал меня по плечу. Очнувшись, я поднялся и, вложив меч в ножны, занял свое место.

Церемония вручения наград и воздания почестей была окончена. Все, в том числе и халиф, вернулись к угощениям и беседам, я же вновь был предоставлен самому себе. Мне, вполне понятно, было не до угощений: я был возбужден сверх всякой меры, как и в тот день, когда в мои руки попала заветная пластина. Мне не терпелось как следует разглядеть очередной доставшийся мне таинственный предмет. Поэтому я, захватив меч и мешочек с камнями, уединился в укромном уголке зала и, набравшись терпения, к которому неоднократно призывал меня Дервиш, принялся внимательно рассматривать свое сокровище. Меч почти полностью скрывался в ножнах, наружу торчала только часть рукояти. Ножны были сделаны из очень плотной темно-коричневой кожи и в трех местах перехвачены слегка выпуклыми серебряными обручами, два из которых имели кольца для подвешивания. Зев был также аккуратно обрамлен обручем с кольцом, а на конец надет изящный колпачок. Все серебряные части были покрыты замысловатыми резными и чеканными узорами. Я долго не решался, испытывая странное, ни с чем не сравнимое чувство, вынуть меч из ножен. Описать его можно было лишь как сомнение: настало ли для этого время? Это чувство напомнило мне последние слова халифа, и мне вдруг показалось, что я понимаю тех, кто хотел бы владеть им, но так и не решился. Но я все же поборол сомнения и высвободил рукоять. Она состояла из двух половинок по обе стороны от хвостовика, схваченных четырьмя железными обручами, также украшенными необычайно тонкой чеканкой. Половинки же были сделаны явно из слоновой кости, однако какого-то странного, более бледного оттенка. Каждая из половинок заканчивалась округлой пластиной, направленной под углом и вывернутой наружу, так что две пластины образовывали удобное ложе для руки. Они плотно охватывали ее, видимо, для того чтобы меч не вырвался из руки при взмахе. Все это, вместе с характерным цветом, и придавало рукояти сходство с костью. Защитной поперечины перед клинком не было совсем, имелось лишь небольшое утолщение, так что рукоять,

по сути, плавно переходила в клинок, который в этом месте имел одинаковую с ней ширину.

Превозмогая томящее меня нетерпение, я наконец медленно вынул меч из ножен. Ничего подобного мне до сих пор видеть не приходилось. Клинок был, по сути, прямым, но прямым он не был. Он, словно волна, очень плавно изгибался сначала — вниз, затем — вверх, так что острие его в итоге смотрело прямо вперед. Длина клинка была равна длине моей руки до кончиков пальцев. Часть его, изгибающаяся вниз, начинаясь от рукояти, была значительно более длинной и имела небольшую ширину. Когда же изгиб поворачивал вверх, ширина немного увеличивалась, затем опять очень плавно уменьшалась, сходя на нет к острию. Я вдруг с содроганием представил, насколько легко он войдет в тело врага при колющем ударе, отметив, что сильно изогнутые наши шамширы совсем не годятся для таких ударов. Толщина клинка в обухе составляла всего лишь полпальца, резко сужаясь к лезвию. Острота же его была просто поразительной — казалось, он мог разрезать одним лишь прикосновением. Плоское пространство занимала странная роспись, состоящая из последовательно расположенных загадочных изображений, для письменных символов — слишком сложных, для картинок — слишком непонятных. Рукоять также была расписана совсем уж непонятными рисунками, среди которых, впрочем, имелись совершенно четкие человеческие фигурки, воздевшие руки к небу. Я благоговейно взирал на удивительный клинок и все больше убеждался в том, что имя «загадка» действительно подходит ему больше, чем любое другое.

Так незаметно подошел конец дня. Гости стали расходиться по отведенным им покоям, чтобы предаться отдыху до завтрашнего продолжения пира. Я же отправился к своему домику, где меня ожидало море телесных усад. Но мысль о них вдруг показалась мне столь кощунственной, что я остановился. Странное стремление вдруг обуяло меня: мне захотелось походов и сражений, ослепительной бранной славы и блестящих подвигов, свершение которых граничило бы со смертью. Ведь я — воин! Я покинул родной дом, чтобы служить повелителю на поле битвы, и сегодня я на чудесном клинке поклялся ему в этом. Я вспомнил ту ночь, когда бился бок о бок с халифом. О, если бы тогда со мной был этот меч!.. И совершенно бессознательно я выхватил его из ножен...

Я уже привык к странным чувствам, возникавшим у меня в последнее время, но то, что я почувствовал сейчас, даже испугало меня. Мне почудилось, что рука моя странным образом удлинилась, превратившись в смертоносное жало скорпиона. Удивительно удобно лежащая в ладони рукоять словно срослась с пальцами и стала такой

же гибкой, как и они. Пальцы, казалось, проникли внутрь клинка, ибо я чувствовал его до самого кончика. Меч стал как бы частью моего тела. Не помня себя, я стал совершать различные движения, выпады и наносить удары в воздух, сражаясь с воображаемыми врагами. Легкость, стремительность и точность, с которыми я это делал, а также изощренность ударов, с одной стороны, поражали меня, с другой — доставляли невероятное наслаждение, гораздо большее, чем объятия наложницы в опиумном дыму. Мои глаза, рука и меч сейчас были одним целым. Они работали удивительно слаженно, четко выполняя каждый свою работу. При этом мои движения и фигуры были столь замысловаты, что до них едва ли додумались бы самые опытные воины, обучавшие меня, и уж тем более я сам. Не иначе как сам меч в моей руке подсказывал их телу помимо моей воли.

Трудно сказать, сколько времени продолжался этот кровавый танец. Однако в конце концов мое иступление возросло настолько, что не на шутку испугало меня. Собрав всю свою волю, я приказал себе остановиться. Чтобы окончательно охладить свой пыл, я размахнулся и с силой метнул меч, целясь в столбик беседки. К моему неопишуемому удивлению, меч, пролетев, словно копьё — не кувыряясь, — с глухим ударом угодил прямо в него. При этом он так сильно заколебался рукоятью из стороны в сторону, что я испугался было, как бы он не сломался. Но он вскоре замер, торча из столбика с самым гордым видом, на какой только был способен. И ему было чем гордиться: столбик толщиной в человеческую руку он пробил насквозь, выйдя с другой стороны на длину ладони, так что мне с трудом удалось вытащить его обратно.

Пир продолжался пять дней, и все это время я, соблюдая установленные правила вежливости, должен был присутствовать на нем и предаваться всем положенным уладам наравне с другими гостями. Меня же снедали скука и нетерпение, ибо здесь не было никого, равного мне, с кем бы я мог побеседовать, да и я никого не интересовал. Кроме того, мне хотелось показать меч Дервишу в надежде, что он, возможно, знает о нем что-то большее, чем то, что сообщил халиф. Мне также очень хотелось показать ему и пластину, но меня почему-то одолевали сомнения. Я не сомневался в том, что он сможет растолковать мне содержание или хотя бы смысл изображенного на ней. Но мне казалось, что при этом мне откроется какая-то ужасная правда, что-то такое, что перевернет все мои привычные представления о мире и жизни, ценности и устои, сложившиеся испокон веков. И что подтверждением этой ужасной догадки служит то самое изображение на ней. Именно оно и является той ужасной правдой, самой неоспоримой и неопровержимой, главенствующей над всеми остальными. Но вместе с тем я чувствовал, что это неотвратимо. Что я ка-

ким-то чудесным образом встал на этот путь, и мне суждено его пройти, тем более что я, нужно признаться честно, страстно желал этого. Я был молод и горяч, мой разум и душа жаждали нового и таинственного. В мои руки судьба послала уже два предмета, явно таящих в себе что-то необычное, что должно послужить мне одним из указующих знаков на этом пути. И я все равно уже не смогу спокойно жить, пока не узнаю этой правды. Подумав об этом, я решил побороть свои сомнения и расспросить Дервиша обо всем, к каким бы ужасным открытиям меня это ни привело.

Поэтому на следующий день, едва солнце коснулось минаретов, я с мечом под мышкой появился возле хижины Дервиша. В его радушном приветствии прозвучала искренняя радость моему приходу. По его взгляду на меч я сразу понял, что он уже наперед знает все мои вопросы. Он, как всегда, неторопливо пригласил меня войти, предложил присесть на выцветший тюфяк и стал ожидать их, спокойно глядя на меня. Но, видя мое смущение, все же заговорил первым:

— В твоих руках — меч Мира, освященный двумя клятвами. Халиф пожаловал его тебе?

— О да, — ответил я. — Он вручил его мне в награду за спасение и верную службу.

— Думаю, он рад был избавиться от него...

Услышав эти слова, я не смог сдержать удивления.

— Избавиться от такого оружия?! — воскликнул я.

— И халиф, и его предки, и многие военачальники хотели обладать им. Но, прикоснувшись к нему один раз, на второе прикосновение никто из них так и не решился.

— Халиф что-то сказал мне об этом, но я не понял его, так как думал совсем о другом.

— Скажи, что ты почувствовал, взяв его в руки?

— Я почувствовал, как он слился со мной, стал частью моего тела, что я могу управлять им, как рукой. И еще я почувствовал, что он учит меня владеть собой. Я даже попал им с тридцати шагов в столбик беседки, хотя не умею толком метать даже кинжал. Но он сам направлял мою руку, да и все тело. Мне кажется, я очень быстро научусь им владеть.

— Значит, это не вызвало у тебя страха? — с интересом спросил Дервиш.

— Наоборот! Это доставило мне несказанное удовольствие, как от владения любой изысканной вещью. Меня напугало лишь исступление, охватившее меня, когда я упражнялся. Но я без особого труда овладел собой и сейчас совершенно уверен, что мне это вполне по силам.

— Значит, это — твоя судьба, — с неподдельным облегчением сказал Дервиш.

— Халиф сказал мне то же самое...

— Я же хотел сказать другое. Твоя судьба — не только владеть этим мечом, но, главное, познавать то, что недоступно другим, ибо ты способен принять его, тогда как другие его боятся. Все, что выходит за рамки их пониманий и представлений, порой очень узкие, они считают дьявольщиной. В тебе же оно разжигает стремление к познанию. Я давно ждал тебя. Видишь ли, мудрость — это единственное богатство, обладание которым пробуждает щедрость. Мудрому свойственно стремление поделиться своим богатством с другими, отчего оно только приумножается. Именно поэтому я выразил искреннее желание быть твоим учителем, которое халиф, вероятно, уже передал тебе.

— О да, почтенный! — восторженно выдохнул я.

— Поверь, мне есть чем заинтересовать и удивить тебя. Есть в нашем бытии некие области, которые можно раскрыть далеко не всем. И теперь я вижу, что ты — один из избранных. И я очень рад, что в конце концов встретил тебя. Если бы ты знал, как мучительно жить среди глухих!..

Тут он умолк, и было отчетливо видно, каких усилий стоило ему прервать себя. Я вдруг понял, как тяжело ему было долгие годы жить наедине со своим несметным богатством, не имея возможности одарить им других. Ибо все вокруг либо не были готовы, либо просто боялись принять эти дары.

— Ты, конечно, хочешь узнать историю этого меча? — спросил Дервиш.

— За этим я к тебе и пришел! — обрадовался я. — И еще...

— Давай начнем по порядку, — назидательно прервал меня Дервиш. — Слушай же. В давние времена, когда основавшие город Мекку курайшиты еще не назывались так, когда не было еще больших городов и племена жили в небольших селениях, на берегах Большой земли с арабами соседствовали племена гузов. Вообще-то их государство отделено от Аравии царством Сасанидов и Афганистаном. Они занимают большую территорию, их владения уходят далеко на восток. Эти же племена, очевидно, попали на великое побережье в давние времена — либо приплыв по морю, либо пробравшись по малонаселенным территориям названных мною царств. Заняв небольшой ненаселенный участок побережья на территории Хадрамаута, они обосновались там и, постепенно тесня хозяев, значительно его расширили. Они и сейчас там живут, но их маленькое государство постепенно распадается, что случалось со многими древними наро-

дами, потому что это неизбежно. Занимались они, в общем, тем же, чем и арабы: выращивали зерно, разводили скот, строили селения или кочевали. И конечно, на наших скудных землях трудно ужитья в мире. Так что времена мирного соседства и бойкой торговли часто сменялись временами кровопролитных и опустошительных столкновений. И вот после особенно жестокого и продолжительного вторжения гузов многие племена послали своих выборных в поселение, располагавшееся там, где много позднее был построен город Маха. Это поселение, объединившее несколько племен, было одним из самых больших, и его правитель пользовался у арабов большим уважением. Выслушав их жалобы и просьбы о помощи, правитель и совет старейшин решили, что пора дать врагам суровый отпор. Во все союзные племена были отправлены гонцы с призывом прислать воинов для совместного отражения нападения. Племена, страдавшие от набегов, а также те, кто осознал угрозу, откликнулись, и вскоре правитель, избранный военачальником, во главе восьми тысяч всадников выступил навстречу врагу. Однако никто не осмелился вступить в бой с таким огромным войском, все сюрбаши, промышлявшие набегами, предусмотрительно отступали. Поэтому войско быстро и беспрепятственно добралось до большого поселения гузов на берегу моря, в котором находился дворец ябгу — их правителя.

Но ябгу был вовремя оповещен о приближении арабского войска и успел разослать гонцов ко всем сюрбаши, находившимся неподалеку. Те со всех сторон поспешили к столице, и в итоге у ее стен собралось пять с лишним тысяч воинов. Оба войска встали друг против друга. Арабские военачальники осознавали свой явный численный перевес, который тем не менее был недостаточным для легкой победы. Гузы же понимали, что могут рассчитывать лишь на славную гибель, хотя и сдаваться тоже не собирались.

Прошло несколько томительных дней. Военачальники обеих сторон лихорадочно обдумывали тактику предстоящей битвы, перебирая множество вариантов. Однако ни один из планов не обещал исхода, который бы оправдал ее. В итоге войска продолжали стоять в нерешительности. Наконец, когда арабы уже почти решились, разделив войско на две части, начать наступление, мудрый правитель гузов проявил благоразумие. Он, конечно, знал о произволе своих сюрбаши на границах и прекрасно понимал, почему арабы вторглись на его территорию таким большим войском. Поэтому он повел снарядить караван из тридцати верблюдов и нагрузить его дорогими подарками. Во вьюки были уложены пышные ковры, великолепная посуда и причудливые изделия из тонкого фарфора и серебра, сосуды с благовониями, чайный лист и пряности, жемчуг и слоновая кость, тонкие ткани, полированные пластины диковинного камня и дерева

для изготовления ритуальных фигурок и изображений, морские раковины и много других ценностей. Затем ябгу сам выехал во главе каравана и повел его к арабскому войску. Правитель арабов, поняв их намерения, в сопровождении свиты военачальников последовал навстречу. Ябгу обратился к нему с речью, в которой выразил сожаление по поводу недостойных деяний своих подданных и заявил, что его народ хочет жить в мире и обоюдных выгодных сношениях с соседями. Он призвал арабов принять его предложение о заключении мира и, в знак уважения и подкрепления своих слов, преподносит им эти дары. В довершение сказанного он вынул свой меч и произнес на нем клятву свято соблюдать заключенный сегодня мир и завещать его всем поколениям потомков, после чего присоединил меч к дарам. Правитель арабов, понимая всю важность происходящих событий, взял меч и произнес на нем ответную клятву — соблюдать мир с гузами, пока они будут держать данное сегодня слово.

На следующее утро арабское войско ушло от столицы гузов и вернулось в свои земли. Совет вождей и старейшин объединенных племен одобрил заключение мира с могучим соседом, дары были разделены, а меч был назван мечом Мира и объявлен священным. Он был помещен на алтарь самого представительного и богатого племени, выходец из которого, благородный Фир, стал родоначальником курайшитов. Когда же они спустя годы построили город Мекку и великий храм Каабу, меч, как реликвия, был перенесен в храм, но через продолжительное время незаметно перекочевал во дворец правителей. Произошло это потому, что все они хотели завладеть им, но он благодаря своим чудесным свойствам оказался им не по зубам. Мир же с гузами, заключенный тогда и скрепленный двумя клятвами, в общем, соблюдается до сих пор.

— Халиф упомянул название «меч Мира», сам же назвал его «мечом-загадкой». Интересно, есть ли у него свое название, как, например, «шамшир» или «акинак»?

— Гузы называли его «ятаган», что на их языке означает «уклады-вающей спать». Он, думаю, повидал множество побед. А скольких людей он уложил спать, знает лишь он сам. Но с тех пор, как на нем были произнесены две клятвы, он не спел ни одной колыбельной.

— Но я получил его как оружие для ратных дел...

— Не тревожься. Меч создан для битвы — именно это его предназначение. А свою мирную миссию он уже исполнил. Так что, когда будет нужно, пускай его в дело не колеблясь. Но будь при этом благороден. Помни, что он сам отмечен печатью благородства, и недостойным поступком ты осквернишь и его, и себя. Он будет твоим талисманом, вы свершите много славных дел и прославите друг друга.

ГЛОССАРИЙ

Азифф — звуки, издаваемые насекомыми.

Безбрежье, беспределье — пространство, космос, Вселенная.

Восхождение — развитие, усложнение, эволюция.

Зазеркалья — здесь: пространственные измерения, параллельные миры, альтернативные вселенные, то, что предшествовало нашей Вселенной, и то, что придет ей на смену.

Ктулху, Йог-Сот-Тот, Хазаат-Тот, Ньярлаат-Тотен, Ми-Го, Шуб-Ниггурат, Шог-Готты — фантастические персонажи из произведений Г.-Ф. Лавкрафта.

Лик деяния — присущее объекту свойство, отличительная черта, способность (в физическом, химическом и биологическом смысле).

«Некрономикон» — «Заветы ушедших в иные миры» (Г.-Ф. Лавкрафт).

Построения материалов — атомно-молекулярная, кристаллическая, полимерная структура.

Предтечение — «предвремя», времена, предшествовавшие нашим.

Самум — сезонные ветры в пустыне, создающие песчаные бури.

Свет (многоликий, зримый и незримый) — энергия всех видов, в том числе и собственно свет.

Сущность — здесь: внутренняя энергия тел и организмов, их энергетическая основа, объединяющая их структуры в целое, обеспечивающая внутренние процессы, свойства и развитие. По замыслу автора — несет в себе закодированную информацию о строении и истории всего материального и содержит направленности дальнейшего развития.

Течение — время (в историческом и вселенском смысле).

Узы материалов — физические и химические связи, межмолекулярное взаимодействие.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предшествие. Двудикая Ночь</i>	10
Повесть первая. ПРИКОСНОВЕНИЕ	23
Повесть вторая. МЕЧ И ЛАМПА	43
Повесть третья. ГНЕЗДО ШАЙТАНЫ	68
Повесть четвертая. ПЕРЕКРЕСТОК ДОБРА И ЗЛА	106
Повесть пятая. ИСТОРИЯ КАИНОВ	157
Повесть шестая. НЬЯРЛААТ-ТОТ	231
Повесть седьмая. НАЧЕРТАННОЕ СВЕТОМ	347
Повесть восьмая. ДВА БЕЗБРЕЖЬЯ	445
Г л о с с а р и й.	537